

Глава 4. НОВЫЙ МИР В РАЗОРВАННОМ СЕРДЦЕ

Анархо-синдикалисты в Испанской революции

“ Но что же тогда из сделанного НКТ в контексте гражданской войны не противоречило ее всегдашнему содержанию?.. Синдикаты НКТ начали в Каталонии, на Севере, в Леванте, Арагоне и Центре процесс социализации — коллективизации... Анархо-синдикализм осуществил то, что предусматривалось на всех его конгрессах, рабочий контроль над фабриками и полями, плановое развитие производства, равенство в экономическом отношении и в возможности принятия конструктивных решений... Все это вне рамок республиканского государства... [1].

Из заявления Национального комитета НКТ по случаю 75-летия Конфедерации.

“ Коммунистические анархисты Испании стремились к тому же самому идеалу, что и величайшие умы человечества... Испанская революция... стала первой попыткой в мировой истории осуществить мечту, которую всегда лежали лучшие представители человечества. Ей удалось во многих случаях даже полностью осуществить этот самый прекрасный идеал человеческого духа, и это останется ее вечной славой [2].

Гастон Леваль, франко-испанский анархист и исследователь Испанской революции

Военный мятеж, поднятый 17 июля 1936 г. правыми генералами в Испанском Марокко, к 19 июля распространился на территорию континентальной Испании. Республиканское правительство не приняло действенных мер по борьбе с путчем. Оно отказалось вы полнить требования рабочих организаций и раздать оружие трудящимся.

В Барселоне — столице области Каталония и крупнейшем про мышленном центре страны — 19 июля в ответ на мятеж вспыхнула всеобщая стачка, переросшая в рабочее восстание.

Его основную силу составляли вооружившиеся члены и сторонники НКТ. Выступление было подготовлено и организовано «комитетами защиты (обороны)» [3], которые создавались в барселонских кварталах из членов НКТ, Федерации анархистов Иберии (ФАИ) и Иберийской федерации либертарной молодежи (ФИХЛ) [4]. Самую активную роль в восстании сыграли члены одной из анархистских групп — «Мы» (Буэнавентура Дурруги, Франсиско Аскасо, Хуан Гарсиа Оливер, Рикардо Санс, Аурелио Фернандес и др.), составившие Центральный революционный комитет обороны [5].

Военный мятеж в Барселоне был подавлен рабочими после упорных боев, в ходе которых погиб, в частности, Ф. Аскасо. Преобладавшие настроения, по описанию свидетелей, были близки к миллениаризму — ощущению последнего решительного сражения и окончательного триумфа «добра» над «злом». «День величественно угасал в свете пожаров, в революционном опьянении дня на родного торжества, — писал из каталонской столицы анархистке Федерике Монтсени полковник Мартинес Банде. — Клаксоны автомобилей, которые стремительно колесили по Барселоне, наполненные рабочими с винтовками в руках, исполняли удивительную симфонию: ФАИ, ФАИ, НКТ, НКТ. Буквы “НКТ” и “ФАИ” были написаны на всех стенах, на всех зданиях, на всех дверях и дверцах домов и машин, на всем. Красно-черное знамя, развевающееся на ветру с фантастическим торжеством, восхитительные картины, которые мы созерцали с зачарованной душой, сияющие глаза...» [6] Так выглядела Барселона в июле 1936 г.

Но трудящиеся не ограничились простой схваткой с армейскими частями. Они стихийно приступили к осуществлению социальной революции: захватывали предприятия и вводили на них рабочее самоуправление, брали в свои руки снабжение, транспорт и общественные службы, организовывали новую жизнь. Союз работников пищевой промышленности НКТ открыл коммунальные столовые, где людей кормили безвозмездно. В каждом квартале города еще в ходе боев был организован продовольственный комитет, который занимался реквизицией продуктов питания со складов или их обменом у крестьян на промышленные изделия. Рыночная торговля и денежная система в значительной мере уступили место безденежному обмену. Добытое продовольствие распределялось по установленным комитетам нормам. Продукты и одежда стали отпущаться через лавочки и магазины. Имелись случаи, когда трудящиеся громили банки и монастыри и сжигали захваченные

деньги как символ ненавистного капитализма. Вещи из ломбардов были возвращены тем, кто был вынужден их заложить. Синдикаты кон фисковали крупные официальные и предпринимательские здания и разместились в них. На большинстве промышленных предприятий, на транспорте и в общественных службах проходили общие собрания трудовых коллективов, которые избирали комитеты управления, состоявшие в большинстве из представителей НКТ. Та кой захват производственной единицы коллективом получил название «инкаутации» или «коллективизации». В некоторых отраслях (деревообработке в Барселоне, пекарном деле, на железнодорожном транспорте и др.) обобществление промышленности сделало следующий шаг к социализации: весь производственный процесс от начала до конца находился под общим самоуправлением работников, создавших соответствующие органы. Уже через несколько дней жизнь в Барселоне нормализовалась: транспорт ходил, предприятия работали, магазины были открыты, работала связь. Исследователи сходятся во мнении, что все революционные меры и налаживание жизни были в основном стихийными действиями трудящихся, входивших в НКТ; ни один вышестоящий комитет проф объединения не отдавал соответствующих распоряжений. Инициатива чаще всего исходила от «низовых» синдикатов НКТ или от рядовых анархо-синдикалистских и анархистских активистов [7].

«...Пролетариат Каталонии, — свидетельствовал позднее член синдиката текстильных рабочих НКТ Андреу Капдевила, — был целиком проникнут анархо-синдикалистской революционной пропагандой. В течение многих десятилетий среди рабочих укоренилось представление, что надо использовать любой возможный шанс, чтобы сделать революцию. Так что они сделали ее, как только представилась возможность» [8].

В других районах страны положение складывалось не столь благоприятно. В Севилье, Кордове, Гранаде, Кадисе, Вальядолиде, Овьедо и Сарагосе плохо вооруженные рабочие были разгромлены мятежниками. В руках путчистов оказались часть Кастилии, Леон, Галисия, Эстремадура, часть Андалусии, Наварра и часть Арагона. Лишь сформированный 19 июля новый республиканский кабинет Х. Хиралья согласился выдать оружие рабочим отрядам. Это позволило не допустить захвата мятежниками Мадрида, Валенсии и Бильбао [9]. Но престиж республиканских властей среди трудящихся был подорван.

Этот факт способствовал тому, что революция быстро захватила не только Барселону, но другие районы «республиканской зоны» — города (прежде всего, в Каталонии), а также сельскую местность (в Каталонии, части Арагона, Андалусии и Валенсии). В городах рабочие из НКТ и частично ВСТ занимали предприятия или устанавливали рабочий контроль над деятельностью предпринимателей. В районах помещичьего землевладения крестьяне захватывали помещичью землю. Во многих районах они договаривались об объединении в общие хозяйства — «коллективы». В таких областях, как Арагон и Андалусия, анархисты вели агитацию среди сельского населения на протяжении многих десятилетий. «Поскольку повсюду, куда они приходили, то есть в самые отсталые местности, — свидетельствовал участник, очевидец и исследователь событий Гастон Леваль, — наши товарищи участвовали в полевых работах, приносили передовые технические знания и учили читать детей, таким образом живое послание (анархизма. — В.Д.) проникало в социально отсталую сельскую местность» [10]. Немецкий анархо-синдикалист Аугустин Сухи описывал историю анархиста из арагонского села Муньеса, который долго работал в Барселоне, а затем вернулся в

родное село и познакомил крестьян с либертарными идеями. Под его влиянием односельчане организовали коллектив — вольную коммуну. «На столе лежало испанское издание книги Кропоткина “Хлеб и воля”. По вечерам члены коллектива собирались, и один из них читал книгу вслух. Это было новое Евангелие» [11].

В первые же дни революции стали стихийно формироваться новые структуры общественного самоуправления, образованные революционными рабочими и крестьянами на предприятиях, в сельских общинах и городских кварталах. В их основе всегда лежали общие собрания жителей или трудового коллектива — «ассамблеи». Они избирали в качестве текущих, координирующих, технических и исполнительных органов революционные комитеты (РК), комитеты или Советы предприятий, советы солдат и моряков и тд. Члены комитетов действовали в рамках обязательного для исполнения наказа от избравшего их собрания, могли быть отозваны в любой момент. Все важные решения комитетов принимались только в согласии с избравшим их коллективом.

В Барселоне РК, выросшие из квартальных «комитетов обороны» НКТ и «комитетов баррикад», занимались организацией местной жизни, снабжением населения и обеспечением их услугами, поддержанием порядка. Во многих сельских общинах сразу после провала военного мятежа жители смешали или отстраняли местную администрацию, и РК, избранный на общем собрании, взял на себя как административные, так и хозяйственные функции. Часто он немедленно приступал к таким революционным мерам, как сожжение всех документов о собственности, конфискация земли, домов, урожаев и инвентаря помещиков, превращение церкви в склад, коллективизация земли, организация ополчения («милиции»).

Разумеется, в формировании народных органов принимали участие не только анархосиндикалисты, но и другие трудящиеся, прежде всего рядовые члены другого профобъединения, которое ориентировалось на социалистическую партию, — Всеобщего союза трудящихся (ВСТ). Соответственно в их составе отражалось соотношение сил между НКТ, ВСТ и другими силами [12].

Как бы то ни было, государственная власть прекратила функционировать на значительной части территории Испании. Центральное правительство Республики в Мадриде оказалось полностью дискредитировано своей неспособностью противостоять военному мятежу и утратило всякий авторитет. Региональное правительство Каталонии (Женералитат) во главе с Луисом Компанисом контролировало только собственное здание. Местная администрация была отстранена или нейтрализована. Армия и полиция распались или были разгромлены. Барселону контролировали рабочие ополчения («милиции»), прежде всего анархо-синдикалистские. «...Власть валялась на улице, и ее воплощал вооруженный народ», — отмечает испанский исследователь Абель Пас [13].

Анархо-синдикалистам, которые пользовались преобладающим влиянием среди трудящихся Каталонии, предстояло теперь решить, что делать с этой властью: разрушить, взять в свои руки или передать другим.

Либертарный коммунизм или антифашистское единство?

Теоретически отношение испанских анархо-синдикалистов к вопросу о власти было определено задолго до июля 1936 г. Испанское анархистское (либертарное) движение с самого начала в 1870-х гг. провозглашало одновременное уничтожение капитализма и государства путем социальной революции и переход к безгосударственному строю —

федерации свободных общин и рабочих союзов. План действий в ситуации социальной революции был намечен еще в конце 1933 г., накануне запланированного восстания против пришедшего тогда к власти правого правительства. Речь шла об уничтожении капитализма и государственной власти и о провозглашении либертарного коммунизма — безгосударственного общества, основанного на самоуправлении коммун и свободных ассоциаций производителей, в котором каждый будет трудиться по своим способностям и обладать равной с другими возможностью удовлетворять свои потребности. В развернутом и четком виде эта программа действий была изложена в «Концепции либертарного коммунизма», утвержденной конгрессом НКТ в Сарагосе в мае 1936 г.

Многие элементы этой программы были опробованы либертарными трудящимися на опыте в период 1932—1934 гг., когда в ходе многочисленных местных восстаний, организованных анархо-синдикалистами, провозглашались «вольные коммуны». Несмотря на то что такие выступления в конечном счете всегда жестоко подавлялись правительственными войсками и полицией, они позволили поддерживать революционный дух и способствовали формированию в умах людей тех «идей-сил», которыми они могли руководствоваться позднее, в момент социальной революции.

Несмотря на более или менее четкое представление о том, что необходимо делать в момент революции, испанское анархо-синдикалистское движение парадоксальным образом так и не смогло определить, каковы критерии «зрелости» общества для социального переворота. Иными словами, как определить, настало ли время для того, чтобы начать повсюду претворять в жизнь намеченную программу строительства нового общества. На этот вопрос НКТ к июлю 1936 г. так и не удалось найти однозначный ответ. В «Концепции либертарного коммунизма» говорилось о революционном характере эпохи в целом, но о самом моменте революции было сказано достаточно расплывчато: она «начинается в тот самый момент, когда индивидуальное сознание инстинктивно чувствует или аналитически устанавливает, что оно противоречит существующему положению общества и считает себя вынужденным выступить против него». Далее в документе указывалось, что революция начинается, когда имеется психологический феномен противостояния существующему положению вещей, налицо социальное явление такого всеобщего настроения, возникает организация, способная осуществить потребности людей, происходит разложение «этической основы» и крах экономики капиталистического режима, а также крушение его политической формы. Однако все эти формулировки оказались на практике весьма нечеткими. В то же самое время в НКТ издавна бытовали представления о том, что подлинная социальная революция будет возможна лишь тогда, когда за НКТ пойдет подавляющее большинство трудящихся по всей Испании [14] или же когда НКТ создаст всеохватывающую профсоюзную структуру, готовую передать управление всей экономикой в ходе социальной революции. Со своей стороны, радикальные анархисты в НКТ (группа «Мы» и ее единомышленники) считали, что готовность масс к революции — это, в первую очередь, психологический фактор, постепенно созревающий в условиях постоянной революционной ситуации. Они также не стремились особенно осмыслить и разъяснить сам момент качественного перелома. Кроме того, НКТ неоднократно подчеркивала, что в Испании существует альтернатива: фашизм — или либертарный коммунизм, и на фашистский путч следует ответить социальной революцией. «Только совершив социальную революцию, можно сокрушить фашизм», — писала, например, газета НКТ «Солидаридад обрера» накануне 19 июля 1936 г.

отношение к другому крупному профобъединению, которое находилось под контролем Социалистической партии, — ВСТ. С одной стороны, анархо-синдикалисты провозглашали свое стремление к «альянсу» с ВСТ, с другой — на конгрессе в Сарагосе одобрили такие условия пакта, которые предполагали отказ ВСТ от опеки со стороны соцпартии и переход его на позиции социальной революции.

Все это создавало неопределенность. Вот почему в тот момент, когда события в Барселоне, практически во всей Каталонии и от части в других областях страны «подарили» анархистам то, за что они боролись и о чем мечтали на протяжении долгих десятилетий, они оказались не готовы воспользоваться этим «даром».

Следует также отметить, что в НКТ всегда сохранялись реформистские течения. После ухода «трентистов» в объединении оставалось немало «чистых» синдикалистов и просто прагматически настроенных членов. В известной мере, это было следствием противоречивой организационной концепции испанского анархо-синдикализма, пытавшегося совместить анархистские цели и общественные идеалы с революционно-синдикалистским принципом открытости профсоюзам «для всех трудящихся», независимо от их убеждений. Далеко не все члены НКТ были сознательными анархистами; в особенности это относилось к тем, кто вступил в нее в период Республики¹⁶. На этих сторонников прагматического подхода могли опереться как активисты и члены исполнительных органов НКТ, которые предпочитали избегать рискованных «крайних» решений.

20 июля 1936 г. президент Женералитага Компани с связался с Каталонским региональным комитетом НКТ и пригласил его представителей на встречу для анализа ситуации, сложившейся после подавления «фашистского мятежа» военных. Для обсуждения этого предложения вечером было созвано пленарное собрание делегатов от профсоюзов НКТ, революционных комитетов и фупп ФАИ. Мнения участников с самого начала раз делились. Спектр мнений простирался от предложения члена группы «Мы» Гарсиа Оливера провозгласить либертарный коммунизм до позиции Абада де Сантьяна который высказался за союз с другими антифашистскими силами. Промежуточного мнения придерживались те, кто, как Мануэль Эскорса, предлагали сейчас «не трогать» правительство Компаниса, но и не заключать с ним соглашений, а приступить к осуществлению социализации экономики и тем самым лишить его всякой реальной власти. Эскорса заявил, что реальная сила находится в руках НКТ и политическую власть следует игнорировать. Делегация анархо-синдикалистов из рабочего района Нижнего Льобрегата во главе с Жозе Шеной резко возражала против сотрудничества с правительством, но не пожелала поддержать Гарсиа Оливера и склонилась к точке зрения Эскорсы. Дискуссии носили бурный, временами ожесточенный характер. В конце концов было принято своего рода временное решение: направить вооруженную делегацию на встречу с Компанисом с информативной целью¹⁷. Делегация состояла из Жозе Асенса (от Регионального комитета НКТ), Аурелио Фернандеса, Буэнавентуры Дурруги, Гарсиа Оливера (от Каталонского «комитета обороны») и Абада де Сантьяна (от ФАИ).

Приняв делегацию НКТ и ФАИ, Компанис поздравил анархистов с победой и выразил готовность уйти в отставку. Но тут же попытался убедить их, что без традиционных политических сил им не обойтись. Он напомнил либертариям о том, что борьба с фашизмом

еще отнюдь не выиграна и требует широкого сотрудничества антифашистских сил. Компанис позвал анархистских делегатов на встречу представителей различных партий и организаций Каталонии, где предложил сформировать (наряду с Женералитатом) коалиционный орган с участием анархо-синдикалистов — «комитет милиций» с задачами организовать окончательный разгром мятежников. Анархистская делегация объяснила, что не имеет полномочий о чем-либо договариваться, но доведет сделанное предложение до своих организаций. Не дожидаясь согласия НКТ, Компанис издал декрет о создании народных ополчений («милиций») и соответствующего органа во главе с близкими к нему лицами [18].

Региональный комитет НКТ, заслушав отчеты Гарсиа Оливера и Дурруги о встрече, постановил связаться с Компанисом и сообщить ему о том, что НКТ в принципе временно согласна с созданием такого органа, предупредив, что окончательное решение должен вынести региональный пленум каталонской НКТ. НКТ претендовала на три, а ФАИ — на два поста в комитете из 15 членов¹⁹. Немедленно были начаты первые, неофициальные консультации о формировании «Комитета антифашистских милиций».

На региональной конференции (пленуме местных организаций) каталонской НКТ 21 июля²⁰ делегация из Нижнего Льобрегата предложила выйти из создаваемого «комитета милиций» и провозгласить либертарный коммунизм, как это предполагалось решениями, принципами и идейными целями организации. Гарсиа Оливер, выражая точку зрения группы «Мы», поддержал предложение Нижнего Льобрегата. Он призвал не верить Компанису, исправить допущенные ошибки, развивать социальную революцию и «идти до конца»: распустить «комитет милиций» и установить по всей стране либертарный коммунизм. Против такого шага высказались известные деятели ФАИ Федерика Монтсени, Абад де Сантьян и секретарь каталонской НКТ Мариано Васкес. Монтсени убеждала не форсировать события, поскольку это, по ее мнению, привело бы к установлению анархистской диктатуры, что противоречило бы существу анархизма. Она предложила пойти на уступки, участвовать в «комитете антифашистских милиций», а затем — после окончательного разгрома военных мятежников — выйти из этого органа и вернуться к работе по созданию анархистского общества. Абад де Сантьян выступил за участие в «комитете милиций», сделав упор на то, что мировой капитализм не допустит либертарного коммунизма в Испании, но прибегнет к военной интервенции. Он предостерег от войны на два фронта и призвал «отложить» либертарный коммунизм на будущее. Васкес, выступивший на второй сессии пленума, заявил, что и не «идя до конца», НКТ может управлять с улицы, опираясь на свою реальную силу. При этом он считал практичным остаться в «комитете милиций» и избегать диктатуры [21].

Утверждения, будто провозглашение либертарного коммунизма в противовес идее «антифашистского сотрудничества» означало бы установление «анархистской диктатуры», звучали весьма странно, с точки зрения либертарной теории. В действительности, как отмечает историк испанского анархизма Хуан Гомес Касас, Гарсиа Оливер предлагал «осуществление в Барселоне и Каталонии целевых установок Сарагосского конгресса... Что понималось под наступлением либертарного коммунизма? Это всегда означало практический роспуск старых партий, приверженных идее власти, или, по крайней мере, если не роспуск, то лишение их возможности при бегстве к политике, направленной на завоевание

власти» [22]. Анархисты и анархо-синдикалисты всегда исходили из того, что в ходе революции будут применяться принудительные меры, такие как экспроприация собственности эксплуататоров и слом используемого ими государственного и политического аппарата. В то же время трудящиеся должны были пользоваться полной свободой в своих синдикатах и коммунах.

Но вернемся к пленуму 21 июля. В ходе дальнейших дискуссий делегат от Нижнего Льебрегата повторил свои предложения, а Гарсиа Оливер попытался опровергнуть доводы оппонентов. Он отверг обвинения в стремлении к «профсоюзной» или «анархистской» диктатуре и призвал сейчас же, на месте принять решение, не оставляя вакуума, которым смогут воспользоваться противники революции, как это произошло в России в 1917 г. «Я утверждаю, что синдикализм, в Испании и в остальном мире, стоит перед актом провозглашения своих конструктивных ценностей перед лицом человечества и истории, — настаивал он. — Если мы не продемонстрируем, что мы можем построить либертарный социализм, будущее будет по-прежнему принадлежать тому сорту политиков, который вышел из Французской революции — начиная с множества политических партий и заканчивая одной». Гарсиа Оливер критиковал также попытки «посеять страх», подчеркнув, что революция может справиться с интервенцией, как справилась с мятежом. Он вновь повторил предложение провозгласить либертарный коммунизм и «идти до конца».

После того как все высказались, Абад де Сантильян официально сформулировал альтернативу: поддержать вступление в «комитет антифашистских милиций» или провозгласить либертарный коммунизм. Вопрос был поставлен на голосование; в поддержку провозглашения либертарного коммунизма проголосовала только делегация Нижнего Льебрегата; остальные делегации поддержали

«антифашистское сотрудничество». Принятое решение предусматривало, что революция переживает «антифашистский этап», либертарный коммунизм несвоевременен и в настоящее время необходимо укреплять «сложившийся на улице антифашистский фронт» [23]. По крайней мере, до тех пор, «пока мы не завоюем ту часть Испании, которая находится во власти мятежников» [24].

Чем был вызван такой кардинальный поворот НКТ, по существу отбросившей программу действий, которую она же сама приняла всего за два месяца до событий?

Утвержденное каталонской НКТ решение не объявлять либертарный коммунизм и установить сотрудничество с другими антифашистскими силами (социалистами, коммунистами и республиканцами) было, как признавали позднее многие анархо-синдикалисты, результатом поспешной оценки сложившейся ситуации. Победив лишь в Каталонии, либертарианцы не чувствовали себя уверенно в других областях страны. «Мы согласились на сотрудничество, говорилось в докладе НКТ конгрессу МАТ в 1937 г. — Почему? Левант (Валенсия. — В.Д.) был беззащитен и медлил, в казармах находились гарнизоны путчистов. В Мадриде наши силы были в меньшинстве. Андалусия находилась в запутанном положении, с группами трудящихся, которые были вооружены плохими охотничьими ружьями и вели борьбу в горах. Ситуация на Севере оставалась неизвестной, а

остальная Испания была предположительно в руках фашистов. Враг стоял в Арагоне, у самых ворот Каталонии. Настоящее положение его сил было нам неизвестно — как на национальном, так и на интернациональном уровне». Актив НКТ не рискнул пойти на самостоятельные революционные действия, опасаясь перспективы борьбы на три фронта: против фашистов, правительства и возможной иностранной интервенции [25].

Иными словами, большинство активистов сочло, что говорить о социальной революции в масштабе страны преждевременно, а либертарный коммунизм в одной лишь Каталонии неминуемо обречен.

Между тем действительное положение вещей было далеко не так безнадежно, как это казалось каталонским анархо-синдикалистам, над которыми, вероятно, еще довлело поражение восстаний 1932—1934 гг. На сей раз речь не шла об изолированном местном выступлении. Социально-революционное движение распространилось на Каталонию, часть Арагона и Валенсию, путь в Андалусию был открыт. Иными словами, в руках революции оказались ключевые в экономическом отношении промышленные и аграрные районы Иберийского полуострова. В такой ситуации можно было принять риск «идти до конца». «В данном случае мы полагаем, — пишет современный испанский анархо-синдикалистский автор Абель Пас, — что вопрос о власти решался со слишком большой поспешностью, и эта спешка помешала учесть “все значение революции”, на которое указывается в докладе. Если бы были приняты тезисы Гарсиа Оливера, то проблема революции была бы, без сомнения, прояснена на месте» [26]. Теперь же анархо-синдикалисты упустили драгоценное время и уступили инициативу своим противникам [27].

Наконец, был и еще один момент, о котором вскользь упоминает в мемуарах Гарсиа Оливер: делегаты собрались в спешке и не зная заранее, что им предстоит обсуждать. Иными словами, они приняли решение на пленуме, не имея наказа от направивших их рабочих союзов и организаций. Это было первое серьезное нарушение федералистской процедуры внутри НКТ — тенденция, которой предстояло возобладать в дальнейшем. «...Первая ошибка, — замечает А. Пас, — была совершена уже 19 и 20 июля, когда группа активистов поставила себя на место самих членов и решала за них. С этого момента проступил разрыв между базой и высшими инстанциями: база хотела расширять революцию, наверху же стремились взять ее под контроль и ограничить...» [28]

Другие члены группы «Мы» не выступали на пленуме. Видный активист группы Рикардо Санс впоследствии вспоминал: «Как группа, мы не стали оказывать давление на результаты (обсуждения. — ВД.). Мы знали, что организация против диктатуры. А так получилось бы, если бы наша позиция была принята... Но в любом случае, мы не пытались форсировать решение, поскольку было другое срочное дело: Компанис согласился на то, чтобы Дуррути возглавил силы милиции, которые должны были занять Сарагосу, попавшую во вражеские руки...» [29]

Вечером после окончания пленума НКТ состоялось собрание группы «Мы» и ее сторонников (Маркоса Алькона, Гарсиа Виванкоса, Доминго и Хоакина Аскасо и др.). Все были едины в том, что союз с политическими партиями необходимо преодолеть и сформировать новые органы народного самоуправления, опирающиеся на революционные комитеты и рабочие

союзы НКТ. Однако возникли разногласия о сроках такого действия. Гарсиа Оливер призывал группу «завершить работу, начатую 18 июля» и силами анархо-синдикалистских милиций захватить правительственные здания и основные центры Барселоны. Дуррути назвал план «прекрасным», но счел момент «неподходящим», с учетом настроений в активе НКТ. Он предложил подождать дней 10, пока либертарные милиции не возьмут столицу области Арагон — Сарагосу, избавив тем самым Каталонию от возможной экономической и политической блокады. Гарсиа Оливер возражал, доказывая, что взятие города может затянуться, но его аргументы не нашли поддержки [30].

Пленум каталонской НКТ окончательно утвердил кандидатуры членов «Комитета антифашистских милиций» от НКТ—ФАИ. На первом же заседании Комитета анархо-синдикалисты отвергли план Компаниса, который пытался свести роль нового органа к выполнению военных и технических задач. Они настояли на его превращении в орган экономического, политического и военного руководства Каталонией; функции Компаниса как председателя Женералитата оставались чисто номинальными. «Комитет антифашистских милиций» стал полуправительственным, полуобщественным органом. Помимо анархистов, занявших в нем ключевые посты (Гарсиа Оливер занимался вопросами обороны, Ж. Ассенс — общественного порядка, Дуррути — транспорта, Абад де Сантильян — организацией «милиций», А. Фернандес возглавлял комиссию по расследованиям), в Комитет вошли также представители ВСТ, каталонских левых националистов, коммунистов, контролировавших широкую Коминтерном (оформились в июле в Объединенную социалистическую партию Каталонии, тесно связанную с Компартией Испании), антисталинистских коммунистов из Рабочей партии марксистского единства (ПОУМ) и др. Комитет принимал решения по основным общественно-политическим вопросам, но в то же время его нельзя было считать и органом, имеющим чисто правительственный характер, поскольку его члены несли ответственность, прежде всего, перед комитетами направивших их организаций, считаясь их делегатами. Именно эти организации принимали решения, а Комитет лишь ратифицировал их [32]. Его официальные документы вплоть до 10 августа 1936 г. были действительны лишь в том случае, если на них одно временно стояла печать Каталонского регионального комитета ФАИ. По настоянию анархистов, было обеспечено невмешательство Компаниса в работу «Комитета милиций» [33].

Поддержанием порядка в Каталонии занимались патрули, организованные «милициями» различных организаций и движений, которые входили в Комитет. Наиболее мощными из них были «милиции» НКТ. «Власть в собственном смысле слова не существовала, — отмечает историк Абель Пас. — Женералитат был чисто символическим. Центральный комитет антифашистских милиций не мог сделать ни шага без поддержки профсоюзов, а милиции не могли организоваться без сотрудничества комитетов обороны и профсоюзов...» [34]

Члены НКТ, ФАИ и ФИХЛ составили и основу тех ополченческих сил, которые сражались с мятежниками на фронте развернувшейся гражданской войны. 24 июля 1936 г. первая из таких колонн численностью в 2 тысячи человек во главе с Дуррути направилась в Арагон. Именно ополчения, сформированные различными организациями и движениями, смогли успешно противостоять мятежным вооруженным силам весь первый период гражданской войны и добиться первоначально значительных успехов. Колонна Дуррути, освободившая от

врага большую часть Арагона, была организована на основе либертарных принципов: все командиры избирались и вели такую же жизнь, что и обычные бойцы, система репрессий отсутствовала, все держалось на добровольной самодисциплине. Всего в колоннах НКТ в Арагоне сражались 16 тысяч человек [35].

Анархо-синдикалисты отвергли изданный в начале августа центральным республиканским правительством декрет о мобилизации резервистов. Однако в Каталонии 6 августа НКТ дала согласие на призыв военнообязанных Женералитатом и «Комитетом милиций» [36], что уже было существенным отступлением от принципов. Тем не менее в основе анархо-синдикалистских «милиций» по-прежнему лежал принцип добровольческого ополчения.

Под гнетом «обстоятельств»

Итак, НКТ приняла принципиальное (и, как выяснилось позднее, оказавшееся для нее пагубным) решение отказаться от «тотальной революции», отложить либертарный коммунизм до победы над противостоявшей Республике коалицией «националистов» — военных, фашистских фалангистов и монархистов.

Комитеты НКТ и ФАИ выпустили манифест «К рабочим массам и антифашистам всего мира», в котором ничего не говорилось о социальной революции, а только о борьбе против фашизма. В обращении подчеркивалось, что не трудящиеся первые взяли за оружие, что они лишь ответили на фашистский мятеж. «Посредством героического вмешательства НКТ и ФАИ, которым помог ли трудящиеся, все трудящиеся всех тенденций, военный мятеж в Каталонии был подавлен. Впервые в истории мира рабочий народ одной из стран сумел победить военные силы своей собственной нации, которые хотели навязать себя ему в качестве самодержцев. Эта победа открывает новую эру в истории современного мира», — заявляли комитеты НКТ и ФАИ. Анархо-синдикалистские руководители категорически опровергли слухи и сообщения о грабежах и насилии в Барселоне и заверяли, что ни один иностранец не пострадал и безопасность иностранных граждан будет обеспечена. Отметив, что борьба не окончена, они обратились ко всем «свободолюбивым людям» с просьбой о «моральной помощи»: «Наша борьба — это ваша борьба. Наше поражение усилит фашизм в мире. Наша победа, напротив, будет победой Свободы над международным фашизмом. Это будет также победой прогресса над варварством... Помогите нам в борьбе против фашизма!» [37].

ФАИ всегда считала одной из своих главных задач не допустить отклонения НКТ от анархистской линии и анархистских идей. Но после июля 1936 г. она, как организация, не сделала ничего, чтобы добиться отказа от союза с политическими партиями и государственными элементами. В первом же циркуляре, который был выпущен после 19 июля, Полуостровной комитет ФАИ заявлял, что организация испанских анархистов «разделила ответственность в новых органах, созданных вследствие требований революции» [38]. 2 августа участие анархистов в «комитетах милиций» было ратифицировано пленумом местных и окружных групп Федерации [39]. Между НКТ и ФАИ после июля 1936 г. существовали тесные и все более укреплявшиеся связи. Стали весьма распространенным явлением общие заявления и обращения, а также совместные заседания к примеру,

каталонский региональный пленум профсоюзных федераций и анархистских групп в Барселоне 12 сентября 1936 г., конгресс синдикатов НКТ и групп ФАИ 8 октября, посвященный педагогическим и культурным проблемам, и т.д. [40]. Ведущие деятели ФАИ считали теперь, что их организации следует расширить свои ряды и выполнять новую, политическую роль: «Синдикаты, в силу... обстоятельств превратившиеся в гибридные, с политической точки зрения, организации, могут придать своим действиям лишь ту профессиональную функцию, которая им определена, — подчеркнвалось в циркуляре Полуостровного комитета Федерации от 25 октября 1936 г. — Необходимо, чтобы существовал мотор, генерирующий сказочную энергию, нужную для того, чтобы продвигать их в том направлении, которое больше всего соответствует интересам обновительных и освободительных стремлений Человечества. Таким мотором... может быть только специальная (анархистская. — В.Д.) организация» [41]. Иными словами, круги ФАИ претендовали теперь на политическое руководство НКТ.

В то же время испанские анархо-синдикалисты подчеркивали либертарный характер происходящей в стране борьбы. Так, в обращении «К трудящимся всех стран» говорилось: «Впервые в истории народ, поднятый либертарным рефлексом, в течение 15 дней полностью ликвидировал: господство клира над душами, отменив отправление культа; господство хозяев над трудом, установив рабочий контроль над предприятиями; господство армии и полиции над гражданами, создав рабочие милиции; господство буржуазно капиталистической идеологии над общественной жизнью, передав все средства пропаганды в руки трудящихся; наконец, вековое господство городской и бюрократической цивилизации над порабощенной и эксплуатируемой деревней, осуществив в рамках синдикальных организаций прямую договоренность между рабочим и крестьянином». Анархо-синдикалисты утверждали, что их революция пошла дальше, чем все предшествовавшие,

включая Россию, что она находится «на марше» и «нанесет смертельный удар фашизму и капитализму, не только в Испании, но и во всей Европе». Они вновь призвали трудящихся мира к солидарности, заявив, что революции необходимы оружие, техника и пропагандисты, способные распространять в своих странах правду о том, что происходит в Испании [42]. Интернациональный комитет за Испанскую революцию призвал людей труда по всему миру собирать деньги в пользу НКТ—ФАИ и направлять их на счет французской РСВКТ [43].

Официальное отношение НКТ и ФАИ к вопросу о государственной власти в этот период отказа от «тотальной революции» было выражено в статье «Бесполезность правительства», опубликованной 3 сентября 1936 г. в «Информационном бюллетене пропаганды НКТ—ФАИ» и перепечатанной на следующий день в «Солидарidad obrera». Эта позиция сводилась к представлению о необходимости продолжать революцию в социально-экономической сфере, игнорируя при этом государство и сохраняя Народный антифашистский фронт «снизу». В статье подчеркивалось, что центральное и каталонское республиканские правительства ничего не предприняли для предотвращения и подавления мятежа и что их существование ненужно для антифашистской борьбы. Анархо-синдикалисты считали, что в стране разворачивается «социальная борьба». «Координация сил Народного фронта и организация снабжения продовольствием при одновременном развитии коллективизации предприятий жизненно важны для достижения наших целей... — отмечали они. — Однако до сих пор это осуществлялось не регулируемым государством, децентрализованным и немилитаризованным образом», на основе рабочих союзов НКТ и ВСТ. Существующее правительство — это «всего лишь слабый охранник “статус-кво” в распределении собственности и международных финансовых интересов». В такой ситуации правительство Народного фронта не нужно и даже вредно, поскольку либо служит средством компромисса и своим коалиционным составом и внутренней борьбой парализует успешное принятие решений, либо подготавливает новую диктатуру в форме «рабочего государства» [44].

Лидеры НКТ и ФАИ пошли на компромисс с антифашистскими партиями и движениями и на уступки им, мотивируя их «сложившимися обстоятельствами», то есть необходимостью победы в гражданской войне. Они согласились (во избежание иностранной интервенции) не экспроприировать предприятия, принадлежавшие зарубежному капиталу: на них был лишь установлен рабочий контроль [45]. Новые органы (революционные комитеты, «комитеты антифашистских милиций» и тд.) формировались теперь зачастую не на общих собраниях, а — подобно каталонскому «Комитету милиций» — на основе соглашения между НКТ, ВСТ и другими организациями. Нередко революционные органы существовали на местах параллельно сохранявшимся старым, что иногда вызывало острые конфликты между ними [46].

Анархо-синдикалистские массы обращали в первые месяцы мало внимания на компромиссы, заключенные «наверху». Они сами осуществляли социальную революцию «внизу», движимые своей либертарной «идеей-силой». «Революционная инициатива исходила не от руководящих комитетов НКТ — как это могло быть иначе, если либертарная революция официально “откладывает вальс”? — но от отдельных союзов НКТ, побуждаемых наиболее продвинутыми синдикалистскими активистами», — подытоживал известный исследователь Рональд Фрейзер [47].

Масштабы самоуправления трудящихся в этот период Испанской революции не знают себе равных в истории. Так, в Барселоне 70% предприятий были отняты у хозяев и перешли под управление НКТ и ВСТ, в Валенсии — 50%[^]. Но как только проблема вышла за рамки отдельных предприятий, давление «обстоятельств» сразу же начинало сказываться. Анархисты четко различали между «коллективизацией» и «социализацией». Под первой понимался захват предприятия трудовым коллективом и переход его под управление профсоюзов. Под второй — обобществление в масштабах общества, с налаживанием новых экономических связей на не рыночной и не бюрократической основе. В теории «коллективизация» считалась первым шагом к «социализации». Но этот переход в промышленности так и не состоялся, поскольку товарно-денежные отношения в целом не были ликвидированы, а деньги оставались у государства и капиталистов. Вопрос о зарплате тоже пал жертвой военно-политических обстоятельств. По словам очевидца Гастона Леваля, «очень часто рабочие в Барселоне и Валенсии, завладев фабрикой, мастерской, машинами и сырьем, организовывали производство своими силами и продавали продукт своего труда ради личной выгоды, причем использовали для этого сохранение денежной системы и характерные для капитализма торговые отношения». Стремление к компромиссу с властями не позволяло рабочим «идти дальше, и тем самым вехи с самого начала были расставлены неверно. Это была... не настоящая социализация, а рабочий неокapитализм, своего рода самоуправление, колебавшееся между капитализмом и социализмом, чего не произошло бы — это следует подчеркнуть — если бы революция могла быть полностью осуществлена под руководством наших профсоюзов» [49].

Абад де Сантильян, который занимался в НКТ экономическими вопросами, признал в конце 1936 г.: «Мы многого достигли, но сделали это нехорошо. Вместо старых владельцев мы поставили полдюжины собственников, которые рассматривают предприятия, транспортные средства и контроль над ними как свою собственность, с тем минусом, что они не всегда знают, как организовать управление... Нет, мы еще не сделали революции в Каталонии. Нет никакой необходимости создавать в Испании новый вид собственников, следует, напротив, социализировать существенную для капитализма частную собственность». «Мы не организовали тот хозяйственный аппарат, который планировали. Мы довольствовались тем, что изгнали владельцев с фабрик и взяли на себя роль контрольных комитетов. Мы не предприняли никаких попыток установить связи между собой или фактически координировать хозяйство. Мы работали безо всякого плана, не ведая фактически, что творим» [50].

В ряде мест и отраслей синдикализация перешагнула уровень отдельных предприятий и распространилась на целые отрасли, начавшие работать скоординированно, как единое предприятие — так называемые «группы» (таким образом, например, были организованы все отрасли в Алькое, снабжение газом, водой и электричеством в Каталонии, трамвайный транспорт в Барселоне, местами — транспорт и здравоохранение) [51].

Коллективизация захватила и сельское хозяйство. 5—7 сентября 1936 г. в Барселоне прошел региональный пленум крестьянских синдикатов Каталонии, входящих в НКТ. В нем участвовало около 600 делегатов. Обсуждались вопросы об организации новой жизни, причем, как отмечала французская синдикалистская газета «Лё Комба синдикалистс», общий принцип состоял в том, чтобы «предоставить местным организациям решать, в какой

мере анархистские принципы... могут быть применены к реалиям производства». Учитывая распространенность мелкой индивидуальной земельной собственности в Каталонии, было рекомендовано не осуществлять немедленно коллективизацию всей земли и «в принципе уважать частную обработку земли», если она осуществляется собственными силами, то есть без применения наемного труда. Коллективизации подлежала для начала крупная земельная собственность земли, обрабатываемые с помощью наемной рабочей силы. Вся экспроприированная земля переходила под контроль и управление синдиката и обрабатывалась непосредственно в интересах его членов, то есть «всех трудящихся в целом». Синдикат должен был также контролировать производство и обмен с мелкими крестьянами. Возможность немедленного перехода к полной коллективизации всех земель зависела от настроений и пожеланий жителей конкретных деревень. Желающие могли объединиться в коллектив, не дожидаясь, пока это сделают другие. Расчет был на то, что технические преимущества коллективного хозяйства смогут убедить индивидуальных собственников присоединиться к коллективам позднее.

Что касается формы обмена и сбыта произведенной продукции, то в принятом решении уже ясно сказывались уступки «неанархистским» партнерам по борьбе с фашизмом. «Принимая во внимание, что борьба против фашизма не принадлежит одной лишь НКТ, но в ней принимают участие все революционные организации» и следует соблюдать «революционный альянс», было решено, «пока сохраняются нынешние обстоятельства», «установить цену на все продукты, как сельскохозяйственные, так и промышленные». Эти цены должен был определить Экономический совет Каталонии после изучения «всех характерных особенностей производства». Обмен должен был совершаться с использованием денег или без такового, по желанию участников соглашения. Форма вознаграждения за труд устанавливалась по желанию жителей каждой отдельной деревни. Иными словами, речь шла о том, чтобы на время союза с другими силами отказаться от внедрения принципов либертарного коммунизма. Конференция высказалась также за объединение с другими крестьянскими организациями Каталонии, если те освободятся от влияния политических партий⁵². В последующем в Каталонии, Валенсии и других областях развернулся широкий процесс объединения крестьян в самоуправляемые коллективы. Особенно широкие масштабы он принял на территории Арагона, освобожденной анархосиндикалистскими «милициями».

Политические компромиссы отчасти сдерживали развитие ни зовой инициативы. Так, поскольку либертарный коммунизм не был провозглашен, от идеи отмены денег и распределения по потребностям пришлось отказаться.

В городах денежное обращение полностью сохранилось. В Барселоне после образования каталонского «Комитета милиций» был создан Центральный комитет по снабжению, в который вошли представители различных политических сил. Новый орган сразу же принял меры, чтобы убедить торговцев открыть магазины и лавки, а «товарищей, сражавшихся на улицах» — «подчиниться контролю, вынужденному обстоятельствами». Комитет по снабжению организовывал доставку продовольствия на фронт и в госпитали, открыл 4 магазина, а также поддерживал сеть «народных столовых», в которых до декабря были потреблены в общей сложности 700 т хлеба, 600 т картофеля, 170 тыс. дюжин яиц и т.д. [53] Но система частной торговли сохранилась и к концу года в Барселоне появились такие явления как дефицит продуктов, спекулятивные повышения цен и иные злоупотребления. Уже в декабре 1936 г. единый синдикат работников распределительной отрасли НКТ призывал трудовой персонал магазинов и лавок следить за тем, чтобы хозяева не продавали товары «налево», а также контролировать уровень цен, не допуская их произвольного повышения⁵⁴. «Не надо больше спекулянтов! К ним надо относиться как к мятежникам!..» — взывал информационный бюллетень НКТ и ФАИ [55].

Работники продолжали получать заработную плату. Максимум, что удалось сделать, — это ввести в ряде случаев систему так называемой «посемейной оплаты», то есть равной зарплаты для каждого работника с надбавками на членов его семей (к примеру, в Валенсии)⁵⁶. Чаще всего все ограничилось сокращением разрыва в заработках и значительным

повышением ставки для более низкооплачиваемых категорий. На селе первое время пытались экспериментировать со свободным потреблением, рacionamento, введением местных денег, «посемейной оплатой» и т.д. Однако все эти меры носили не-скоординированный характер. Отсутствовала и какая-либо координация в деятельности местных революционных органов; вопреки анархо-синдикалистской «программе», они не объединялись в федерации, а работали исключительно на локальном уровне.

Стремясь прежде всего продвинуться от «коллективизации» (перехода под управление трудовых коллективов) к социализации (обобществлению) экономики, анархо-синдикалисты инициировали создание 1 августа 1936 г. Экономического совета Каталонии, который должен был осуществлять общую координацию и планирование хозяйства и ценообразование. Однако и этот орган носил компромиссный характер как по составу (в него вошли 5 членов НКТ и ФАИ, 1 член ВСТ, 1 член ПОУМ и 1 представитель Женералитата), так и по своим задачам. В его цели входило осуществление таких разноплановых мер, как регулирование производства с ориентацией на потребление, обеспечение монополии внешней торговли, развитие коллективизации в промышленности, торговле, сельском хозяйстве и на транспорте, развитие кооперации крестьян и потребителей, трудоустройство безработных, унификация налоговой системы и др. [57]

Абад де Сантьяго, игравший ключевую роль в Экономическом совете, был убежден, что этот орган будет способствовать созданию новой хозяйственной системы. Радикальное крыло анархо-синдикалистов (Дуррути и др.) опасалось, напротив, что подобная «легализация» завоеваний революции в тенденции лишь усилит власть Женералитата и может привести к «государственному капитализму» либо «государственному социализму» [58].

Неустойчивое равновесие сил не могло сохраняться долго. Не ликвидированная анархистами государственная власть, политические партии и поддерживавшие ее социальные слои воспользовались полученной передышкой для того, чтобы перейти в наступление на революцию. В руках не устраненного революцией государства оставались мощные рычаги, прежде всего валютные и финансовые средства. Коллективизированной промышленности не хватало сырья. «Марксисты и республиканцы смешались в единый блок и, обладая деньгами и оружием, проводили политику покровительства в отношении своих сторонников, распределяя среди них продовольствие, вооружение, руководящие посты, средства информации и транспорта... — признавалось в отчете НКТ конгрессу анархо-синдикалистского Интернационала в 1937 г. — Каталония должна была организовать собственную внешнюю торговлю, вступая в конкуренцию за границу с другими частями страны, чтобы прокормить своих граждан и удовлетворить потребности Арагонского фронта... Правительство, пользуясь нашим старанием не наносить ущерба антифашистскому единству и не провоцировать разрыв официальных отношений с границей, пользовалось этой привилегией легированной дипломатической ситуацией и ожесточенно саботировало наши действия во всех областях» [59].

Власти Мадрида и Каталонии стали оказывать нарастающее давление на анархо-синдикалистов сразу по трем направлениям: препятствуя поставке оружия и боеприпасов плохо вооруженным «милициям», стремясь ограничить размах и ход коллективизации в промышленности и в сельском хозяйстве и пытаясь навязать замену «милиций» регулярной

армией.

Анархистские ополчения, вызывавшие недовольство правительств Республики, не скрывали, что ведут борьбу не только против фашизма, но и за новое, свободное общество.

«Буржуазия не позовет нас установить либертарный коммунизм только потому, что мы этого хотим, — объяснял Дурруги, выступая на фронте в Арагоне. — Буржуазия будет оказывать сопротивление, будет защищать свои интересы и привилегии. Единственное средство, которое мы имеем для того, чтобы установить либертарный коммунизм, — это разрушение буржуазии... Крестьяне, которых мы оставили за собой и которые начали осуществлять наши теории на практике, сделали это, потому что восприняли наше оружие как гарантию своего урожая» [60].

В историографии гражданской войны в Испании преобладает мнение, будто рабочие ополчения-«милиции» плохо сражались, отличались недисциплинированностью и т.д. Полагая, что современную войну может выиграть только хорошо организованная регулярная армия, исследователи склонны оправдывать меры республиканских властей по ее созданию [61]. Другие историки считают подобный традиционный взгляд односторонним, высоко оценивают перспективы партизанской войны и народных ополчений (в том числе на современном этапе) и приводят данные о том, что испанские ополченцы, первоначально не умевшие сражаться на фронте, быстро учились и овладевали необходимыми навыками [62]. Со своей стороны, приведем свидетельства очевидца — британского пилота Джорджа Оруэлла: «Позднее стало модным ругать ополчение и приписывать все его недостатки не отсутствию оружия и необученности, а системе равенства... В основе «революционной» (добровольной. — В.Д.) дисциплины лежит политическая сознательность — понимание, почему данный приказ должен быть выполнен; необходимо время, чтобы воспитать эту сознательность, но ведь необходимо время и для того, чтобы муштрой на казарменном дворе сделать из человека автомат. Журналисты, которые посмеивались над ополченцами, редко вспоминали о том, что именно они держали фронт, пока в тылу готовилась Народная армия. И только благодаря «революционной» дисциплине отряды ополченцев оставались на фронте; примерно до июня 1937 года их удерживало в окопах только классовое сознание... В подобных условиях регулярная армия, не имея в тылу частей заградления, безусловно, разбежалась бы. А ополчение держало фронт... и к тому же оно почти не знало дезертирства» [63].

В сентябре 1936 г. в каталонской печати началась массированная кампания против «неподконтрольных» анархистов, которых обвиняли в том, что они укрывают оружие, вместо того чтобы отвести его на фронт (имелись в виду «комитеты обороны»), а так же против «утопических экспериментов» в экономике [64].

Встроившись во властную систему, ведущие активисты НКТ не могли не измениться сами. Они перестраивались для того, чтобы соответствовать требованиям момента, оправдывая разрастание бюрократического аппарата реальными потребностями координации экономической и социальной жизни. Пользуясь тем, что активные члены НКТ и ФАИ сражались на фронте в составе «милиций», а другие были полностью погружены в работу самоуправления трудящихся на местах, многие должностные лица профобъединения (члены Национального, региональных, окружных комитетов, сотрудники различных

комиссий синдикатов, «Комитета милиций», Экономического совета и т.д.) стали все меньше считаться с нуждами и пожеланиями анархо-синдикалистской массы. Рядовые активисты просто не могли уследить за чередой бесконечных конференций, пленумов, совещаний и разобраться детально в обсуждавшихся на них вопросах. При этом, как отмечал историограф НКТ Ж. Пейратс, по существу происходили нарушения федеральных норм организационного устройства — превращение Национального комитета в «машину по даче указаний» отдельным синдикатам, проведение пленумов по циркулярам сверху, принятие важных решений на комитетах всех уровней и совещаниях под давлением активистов с последующим одобрением на общих собраниях. Вся эта практика противоречила принципам анархо-синдикализма, в соответствии с которыми инициатива в организации должна идти не «сверху вниз», а «снизу вверх», а комитеты и комиссии призваны не принимать самостоятельные решения по принципиальным вопросам, а выполнять указы «низовых» общих собраний⁶⁵. Существенным фактором бюрократизации стало предоставление возможности не отправляться на фронт, а остаться на ответственной работе в тылу, что создавало своего рода привилегированную касту [66].

Многие анархо-синдикалисты выступали против начавшейся бюрократизации НКТ и против политики все новых и новых уступок государству и партиям со стороны ведущих деятелей Конфедерации. Свою озабоченность и возмущение по этому поводу неоднократно выражал Дуррути (в беседах с Мариано Васкесом, Гарсия Оливером и др.) [67]. Радикальное крыло попыталось повернуть ход событий на региональном пленуме каталонской НКТ в августе 1936 г. В работе пленума приняли участие также представители ФАИ и ФИХЛ. Гарсия Оливер, Дуррути и их сторонники потребовали положить конец сотрудничеству с политическими силами, которое дезориентирует революцию и лишает ее сил. Они призвали развивать революцию вперед. Представитель группы «Мы» Рикардо Санс вспоминал, что его товарищи были раздражены плодами «антифашистского сотрудничества»: «...В результате сотрудничества, сдачи и каждодневных уступок... общая ситуация не только не развивается в благоприятном направлении, но и, на против, ухудшается... Враги нового строя... принимают терпимость и дух ответственности за трусость... Группа “Мы” считала <...>, что необходимо взять на себя ответственность за все, какими бы ни были последствия» [68].

Но большинство активистов по-прежнему опасалось гражданской войны в «антифашистском лагере». Курс 20 июля, который на пленуме вновь отстаивал Абад де Сантьян, остался в целом без изменений. Были приняты решения о необходимости «революционного альянса» с ВСТ и создания Национального совета обороны для военно-политического руководства. Радикальное меньшинство, замечал историк А. Пас, и на сей раз подчинилось, следуя организационной дисциплине. «Выходом было бы порвать с “чувством ответственности активиста” и даже без согласия собственной организации вынести проблему на улицу. Но на это никто из активистов оказался неспособен...» [69].

Осуществить идею союза с социалистическим профцентром НКТ попыталась в середине августа, вступив в переговоры с лидером ВСТ социалистом Ф. Ларго Кабальеро. Обсуждалась возможность того, что оба профобъединения совместно отстранят центральное республиканское правительство и заменят его революционной хунтой обороны. В последний момент Ларго Кабальеро отказался от этого плана, поскольку не желал нарушать легитимность республиканской власти [70]. 4 сентября 1936 г. он был назначен премьер-

министром Испанской Республики.

В конце августа 1936 г. Компанис предложил Конфедерации официально вступить в региональное правительство. Он поддерживал регулярные контакты с М. Васкесом и стремился уговорить его на этот шаг.

Напряженность в отношениях между анархо-синдикалистами и антифашистскими партиями и движениями нарастала. В ответ на обвинения анархистов в «укрывании оружия», «комитеты обороны» Барселоны заявили о том, что не намерены складывать оружие, «пока революция не решила проблему политической власти и пока существуют вооруженные силы, подчиняющиеся приказам правительства в Мадриде», поскольку считают оружие «гарантом революционных завоеваний». Газета «Содидаридад обрера» защищала коллективы в промышленности и сельском хозяйстве и напоминала о «революционном характере» войны. В радиообращении с фронта Дуррути подчеркнул, что «фашизм и капитализм — это одно и то же», а комитеты сотен и военный комитет «колонны Дуррути» пригрозили маршем на Барселону, если на фронт не будет немедленно отправлено оружие, которое, как утверждалось, укрывалось в барселонских казармах коммунистов. 8 пулеметов, обнаруженных в бюро коммунистов в Сабаделе, были посланы фронтотовикам [71].

Вступление НКТ в правительство

Тем временем логика «обстоятельств» побуждала руководство НКТ сделать следующий шаг: оно стало стремиться к участию в управлении военно-политическими делами, надеясь, что это поможет закрепить революционные завоевания.

Ларго Кабальеро предложил анархо-синдикалистам пост министра без портфеля, и Национальный комитет НКТ, во главе которого стоял Давид Антона, в принципе согласился с этим. Но национальный пленум Конфедерации 3 сентября отверг это предложение и вместо этого высказался за создание исполнительного органа в составе ВСТ и НКТ. Однако Орасио Мартинес Прието и ряд других активистов собрались в Валенсии и подвергли решение пленума критике. Они потребовали открытого участия синдикалистов в правительстве. Их поддержал региональный комитет НКТ Леванта [72]. 15 сентября 1936 г. на новом пленуме региональных федераций НКТ Национальному комитету удалось добиться принятия резолюции о необходимости создания Национального совета обороны как «национального органа, правомочного осуществлять руководящие функции в военном плане и функции координации в политическом и экономическом плане». В совет, возглавляемый Ларго Кабальеро, должны были войти «делегаты» от всех трех течений (5 анархо-синдикалистов, 5 членов ВСТ, 4 республиканца), пост президента республики при этом сохранялся. Армия и полиция заменялись ополчениями. В качестве программы деятельности такого органа НКТ выдвигала обеспечение федералистского устройства страны (органы власти на областном, провинциальном и местном уровне предстояло сформировать в той же пропорции); создание единой «милиции» по обеспечению общественного порядка под контролем рабочих союзов, а также народных трибуналов; назначение военного комиссариата Советом обороны; осуществление социализации банков,

церковных имуществ, поместий, крупной индустрии и торговли, а также транспорта и установление рабочего контроля; ликвидация арендной платы, биржевой спекуляции и долгов; планирование промышленности и сельского хозяйства. Во внешней политике Совет должен был вести «борьбу за мир в рамках интернационального пролетарского действия» и осуществить «реорганизацию дипломатии» [73]. Пленум постановил передать этот проект ВСТ вместе с предложением о заключении альянса. Как справедливо отмечал Пейратс, по существу такой Совет обороны был бы тем же правительством, но под другим названием [74]. Тем не менее сама «неправительственная» форма органа была важна для анархистов.

Прекрасно понимая всю противоречивость предложения, Ларго Кабальеро отверг его как нарушающее конституционные принципы. Впрочем, как утверждает детально изучивший ситуацию тех дней А. Пас, обе стороны — и Ларго Кабальеро, и Национальный комитет НКТ, возглавляемый новым генеральным секретарем и сторонником реформистской линии Орасио Мартинесом Прието (занял пост в сентябре после решения направить прежнего временного секретаря Давида Антону в Париж [75]), — уже хорошо понимали, чего хочет другой, и с этого момента вели бесконечный торг, прибегая к различным мерам давления. Козырем премьер-министра оставался вопрос о деньгах и оружии для анархистских милиций на фронте, которые по-прежнему сражались, надеясь на то, что, взяв Сарагосу и Уэску, они смогут потребовать от комитетов НКТ положить конец уступкам и провозгласить либертарный коммунизм. Дела на фронтах шли все хуже, ополчения изнемогали от нехватки оружия и боеприпасов. Положение становилось настолько острым, что Дуррути и Абад де Сантильян разработали план нападения анархистской колонны на Национальный банк в Мадриде с целью экспроприировать его средства и использовать их на закупку оружия. Однако перепуганные члены Национального комитета отвергли его [76].

Между тем в Каталонии региональный комитет НКТ, под давлением постоянных требований правительства Ларго Кабальеро прекратить каталонское «двоевластие», заявил о своем согласии с роспуском «Комитета антифашистских милиций»; взамен три представителя НКТ вошли в состав Женералитета. Таким образом, анархо-синдикалисты впервые вошли в открыто правительственный орган. Психологическое и идейное «табу» было разбито. Виднейшие активисты каталонской НКТ, такие как Гарсиа Оливер, Жюль Шена и Маркос Алькон, «стиснув зубы», смирились с этим решением [77]. Оно было принято по предложению комиссии, образованной из представителей Гишольса, Оспиталета, регионального комитета НКТ и Полуостровного комитета ФАИ. В информации Федерации к международному либертарному движению этот шаг позднее обосновывался нежеланием развязывать «братоубийственную борьбу» на улице, опасением оказаться в положении «неполноценности» по сравнению с другими силами и неминуемым отказом мира помочь «Испании без правительства» [78].

Реакция низовых активистов НКТ на постоянные уступки руководства каталонской организации была иной. Маркос Алькон, один из ведущих деятелей НКТ (союза стекольщиков, затем — рабботников общественного досуга), пользовавшийся большой популярностью в Барселоне, позднее вспоминал, что вскоре после роспуска «Комитета милиций» и вступления НКТ в каталонское правительство к нему явились представители комиссии «комитетов обороны» Барселоны Даниэль Санчес, Анхель Карбальейра, Трапота и другие. Они заявили, что на собрании «комитетов обороны» было принято решение

направиться в штаб-квартиру НКТ и ФАИ и разогнать региональные комитеты НКТ и ФАИ, которые «удуша ли революцию». Делегаты предложили Маркосу Алькону стать новым секретарем Каталонского регионального комитета НКТ. Алькон был согласен с активистами в оценке ситуации и сделанных уступок. Но он был решительно против таких мер, считая их «безответственными» и вредными для организации. Он с трудом уговаривал «комитеты обороны» отказаться от выступления, призвав их вместо этого «укрепиться в синдикатах» и, опираясь на них, призывая комитеты НКТ и ФАИ выполнять волю членов организации [79]. Тем самым была упущена одна из последних возможностей продолжить развитие социальной революции.

Собравшийся в этой критической ситуации 28 сентября пленум региональных федераций НКТ выпустил манифест, в котором выражалось сожаление в связи с негативной реакцией других профсоюзных и политических организаций на предложение о создании Национального совета обороны. НКТ сетовала на то, что исключение ее представителей из руководства борьбой подрывает само это руководство, еще раз призывала ВСТ к «революционному авантюризму» и угрожала «снять с себя ответственность» за последствия в случае отказа. По оценке Пейратса, «дух капитуляции пронизывал каждую строчку манифеста» [80].

Проблема нехватки оружия, казалось, сдвинулась с мертвой точки после встречи генерального секретаря анархо-синдикалистского Интернационала Пьера Бенара и Дурруги с премьер-министром Ларго Кабальеро в Мадриде 1 октября 1936 г. Дурруги пригрозил премьеру, что если правительство не выделит достаточные средства для закупки

оружия для колонн НКТ—ФАИ, то фронтовики пойдут маршем на Мадрид [81]. После этого правительство Испании постановило выделить на закупку вооружения 1,6 млрд. песет, причем треть закупленного материала предназначалась для Каталонии и Арагона.

Но уже через несколько дней намеченная сделка с оружейной фирмой была отменена, поскольку в дело вмешался Советский Союз, предложивший республиканскому правительству свою помощь [82]. Поддержка со стороны СССР способствовала резкому усилению влияния противников анархо-синдикалистов — коммунистов из КПИ, которые выступали против социалистической революции в Испании.

В качестве противовеса соглашательскому курсу НКТ в Мадриде и Каталонии, фронтовые и арагонские анархо-синдикалисты образовали собственный центр. Они не стали бросать открытый вызов своей организации, а предпочли создать нечто вроде «маяка Испанской революции». После возвращения Дурруги из Мадрида на Арагонский фронт, 6 октября 1936 г. в Бухаралосе состоялась региональная конференция делегатов от деревень и анархо-синдикалистских колонн ополчения. На ней был образован региональный Совет обороны Арагона, состоявший исключительно из анархистов — Мигеля Хименеса (одного из основателей ФАИ), Хосе Альбертолы, Х. Аскасо, Мануэля Чуэки и др. Совету надлежало координировать все действия в военной, экономической и социальной области. Он состоял из отделов по отраслям деятельности и в этом отношении напоминал правительственный орган. Однако его создатели предполагали иной, федералистский, а не властный тип взаимоотношений между ним и низовыми общими собраниями:

«Отделы разработают план, который будет предложен представленным организациям и требует их согласия, но, будучи одобрен, он станет общеобязательным и будет выполнен во всех своих аспектах». Приводящий этот документ А. Пас отмечает: «Впервые в истории общества целый регион приступил к революционному действию помимо всяких политических партий, имея в качестве основы исключительно общее собрание, объявившее себя суверенным. Фактически форма организации общества, сложившаяся в Арагоне, ближе всего подходила к либертарному коммунизму» [83]. Центральные и каталонские власти не признали арагонский Совет (Совет обороны Арагона получил официальное признание центральных властей в конце декабря 1936 г. после согласия анархистов включить в его состав представителей других течений). При содействии Дурруги и бойцов его колонны в области начали формироваться федерация самоуправляющихся селений-коллективов, которая окончательно оформилась на конгрессе в Каспе в феврале 1937 г.

Но если в Арагоне революция шла по восходящей линии, то в других частях Республики ее развитие затормозилось. Власти усиленно пытались взять революционную стихию под контроль, а руководство НКТ ничего не делало, чтобы им помешать.

9 октября каталонское правительство издало декрет о роспуске всех местных комитетов и иных хозяйственных, культурных и прочих органов, созданных после 20 июля 1936 г. Вместо этого Женералитат учредил новые местные общинные советы, члены которых не избирались, а делегировались движениями и партиями, входившими в региональное правительство. Неповиновение декрету приравнивалось к государственной измене. Однако на практике многие революционные комитеты игнорировали его и не были склонны

уступить свои полномочия новым органам. «Двоевластие» на местах продолжалось несколько месяцев, пока революционные органы не сдались, не в последнюю очередь, под давлением постоянных обращений НКТ к своим членам с призывом соблюдать правительственный декрет [84].

Центральное правительство Ларго Кабальеро издало целый ряд постановлений, которые предусматривали восстановление военной дисциплины, командной иерархии, системы наказаний за их нарушение, а также были нацелены на включение «милиций» в регулярную армию. 30 сентября вышел декрет, по которому с 10 октября отряды ополчений Центрального фронта, а с 20 октября и остальные переводились на положение регулярных военных частей [85]. 21 октября правительство выпустило декрет о создании регулярной армии. Правительственное решение вызвало бурю возмущения в анархо-синдикалистских колоннах и милициях. «Если мы лишим войну всего ее революционного содержания, ее идеи социального преобразования <...>, то не останется ничего, кроме войны за независимость (Испании. — ВД.), которая... больше уже не является... революционной войной за новое общество», — говорилось в заявлении бойцов-интернационалистов анархистской колонны «Аскасо». «Милиции» НКТ в Центральной Испании обвинили правительство в стремлении навязать пролетариату «новые цепи»: восстановление армии — «типичного инструмента авторитаризма» и насаждение милитаризма — «неотъемлемой части фашизма». Они назвали восстановление армии «возвращением к прошлому» и угрожали, что рабочий класс не станет терпеть утрату того, за что он проливал кровь. Сам Дуррути дал понять в интервью, что не возражает против укрепления сознательной дисциплины и против единого командования (намекая на постоянное противодействие коммунистических колонн усилиям его соединения), но не намерен соблюдать военные звания, приветствия, муштру и систему наказаний. Он продолжал настаивать на том, что в революционной войне ополчение добровольцев, знающих, за что они сражаются, гораздо эффективнее [86].

Бойцы анархистской «Железной колонны» в сентябре и октябре 1936 г. участвовали в нашумевших инцидентах в Валенсии. Они снялись с фронта и направились в тыл, требуя разоружить и расформировать тыловые государственные вооруженные части и отправить их на фронт [87]. 29 октября 1936 г. в Валенсии сотрудники специального полицейского подразделения «Антифашистская народная гвардия» застрелили безоружного бойца анархистских «милиций». Это действие вызвало всеобщее возмущение анархистов на Теруэльском фронте. На следующий день, когда участники анархистской «Железной колонны» — ополчения, сражавшегося под Торрес-Бенедито, и члены НКТ организовали демонстрацию протеста во время похорон убитого товарища, они подверглись внезапному нападению правительственных частей и коммунистических отрядов и вынуждены были ответить на огонь. Тогда они были обстреляны из пулемета, в результате чего погибли 30 и были ранены 80 анархистов. Либертарианцы рвались отомстить, однако было принято другое решение. «Борясь против общего врага — фашизма, мы не можем задерживаться для ответа на эту агрессию, — говорилось в заявлении «Железной колонны». — Но следует понять, что наше отношение не есть следствие страха. Нас достаточно знают, чтобы нам поверить. Мы вернемся на фронт, но позднее вспомним эти факты» [88]. В свою очередь, руководство НКТ подтвердило приверженность принципу милиции, но попыталось примирить бойцов с правительственным решением. Республиканские власти начали сжимать кольцо вокруг самоуправления в промышленности и сельском хозяйстве. Правительство Ларго Кабальеро распорядилось о национализации военной промышленности, передав ее тем самым под контроль государственной бюрократии [89]. Анархо-синдикалист Х.

Фабрегас, ставший министром экономики в Женералитате, призвал рабочих 2 октября воздержаться от дальнейшей экспроприации предприятий, однако его призыв вначале не был услышан. 24 октября в Каталонии был принят декрет, который, с одной стороны, легализовал коллективизацию в промышленности, но с другой — изымал из нее мелкие предприятия с наименьшим трудом и часть средних предприятий, вводил должность директора (правда, избравшегося рабочим комитетом), а также государственный контроль на самоуправляющихся предприятиях, особенно в крупной индустрии. Здесь компромисс с государством был заключен уже при прямом участии руководства НКТ, взявшего курс на «легализацию революции» [90].

Организация промышленности, предусмотренная декретом, как замечал исследователь Даниэль Герен, сочетала в себе как либертарные, так и государственнические тенденции. Самоуправляющиеся предприятия управлялись единообразно — руководящим комитетом из 5—6 человек, который избирался общим собранием на два года с переизбранием половины членов каждый год. Комитет назначал директора и передавал ему часть своих полномочий. К каждому комитету был прикреплен правительственный контролер. Комитеты были подконтрольны генсовету отрасли, который состоял из представителей комитетов, синдикатов и технического персонала. Этот совет должен был планировать труд и определять зарплату. Каждый работник получал твердый оклад. НКТ пыталась, в свою очередь, организовать сотрудничество и общее планирование. С этой целью было создано восемь генсоветов для различных отраслей, торговли и финансов. Для равномерного распределения ресурсов создавалась «выравнивающая касса» [91].

На коллективизированных предприятиях Каталонии право принимать экономические решения сохранялось за трудовым коллективом. В его руках оставалась и большая часть прибыли (после создания «промышленной и торговой кредитной кассы» — 50%). На частных предприятиях с рабочим контролем помимо владельца или директора действовал рабочий комитет, имелся и представитель правительства, обеспечивавший связь с генсоветом отрасли. В распорядке трудовых коллективов оставалось 30% прибылей. В целом, по оценке Вальтера Бернеккера, «сложилась “координируемая” профсоюзами и “направляемая” государством экономическая система, которая во время всей войны работала динамично и до конца сохраняла двойственную структуру, в которой сосуществовали рядом капиталистическо-частноэкономические и коллективистско-социалистические производственные единицы» [92].

Что касается сельского хозяйства, то декрет от 7 октября 1936 г., подписанный коммунистом В. Урибе, министром сельского хозяйства в правительстве Ларго Кабальеро, признавал законным конфискацию земель лишь тех помещиков, которые считались мятежниками [93]. Тем самым многие аграрные коллективы, захватившие помещичьи земли, оказывались вне закона.

В октябре 1936 г. генеральный секретарь НКТ Орасио Прието вел переговоры о вступлении профобъединения в республиканское правительство. Он требовал для НКТ шесть постов, Ларго Кабальеро соглашался передать анархо-синдикалистам лишь четыре [94]. Предвестником соглашения был подписанный 25 октября 1936 г. пакт о единстве действий между каталонскими региональными организациями НКТ и ВСТ, а также между ФАИ и

коммунистической Объединенной социалистической партией Каталонии (ОСПК). Соглашение предусматривало, что коллективизация экономики должна проводиться под руководством и при координации Женералитета. Говорилось также о муниципализации жилья, введении единого военного командования, принудительной мобилизации в «милиции» (с перспективой их превращения, таким образом, в «народную армию»), введении рабочего контроля, национализации банков и установлении государственного контроля над банковскими операциями. Особо подчеркивалась необходимость борьбы с «неподконтрольными группами», то есть самостоятельными инициативами снизу [95].

Для давления на правительство Ларго Кабальеро лидеры НКТ прибегли к угрозам. 23 октября 1936 г. пленум региональных федераций НКТ Центра, Валенсии, Арагона, Каталонии и Андалусии обсудил доклад Национального комитета о постановке перед правительством вопроса «о нашем участии в руководстве борьбы против фашизма и в структуре политико-экономической жизни Революции». Принятая резолюция отражала метания и колебания анархо-синдикалистских активистов: для них речь шла не о «цене» власти (как, вероятно, для самого О. Прието и ряда других «вождей»), но о попытке изменить в свою пользу общее соотношение сил. Документ представлял собой по существу ультиматум правительству Республики. Пленум постановил создать комиссию из представителей региональных организаций Валенсии, Центра и Каталонии для проведения встречи с президентом М. Асаньей, «чтобы объяснить поставленную кризисом правительства необходимость... вступления в него НКТ... на условиях, одобренных пленумом региональных организаций 15 сентября». Комиссии поручалось ждать ответа в течение 48 часов. В случае негативного ответа НКТ пригрозила принять «меры военного характера, чтобы обеспечить связь между Мадридом, Валенсией, Арагоном, Андалусией и Каталонией и контролировать прохождение людей и снабжения из этих регионов в Мадрид». Для осуществления решения Национальный комитет должен был назначить Национальный военный совет для объединения фронтов в Каталонии, Арагоне, Леванте (Валенсии) и Андалусии. Этому Совету вместе с региональными комитетами НКТ предстояло мобилизовать 100 тыс. членов НКТ. Конфедерация намеревалась «совместно со всеми нашими региональными силами организовать акцию с тем, чтобы добиться контроля над экономикой и координации резервов». В то же самое время было решено «уточнить инициативное руководство с дипломатическими представителями России, чтобы в случае необходимости добиться осуществления решений, принятых на нашем пленуме» [96].

Стремление согласовать действия с представителями СССР не было случайным. Осенью 1936 г. многие ведущие деятели испанского движения заняли примирительную и даже дружественную позицию по отношению к Советскому Союзу, что противоречило традиционной враждебности анархизма по отношению к большевизму и сталинскому режиму. Тесные дружеские связи с советскими дипломатами поддерживала Монтсени. Печать НКТ заявляла о поддержке советских внешнеполитических предложений⁹⁷. Во время прибытия первых советских кораблей с помощью Испании члены НКТ приветствовали их возгласами: «Да здравствует СССР!»⁹⁸. Печатный орган НКТ «Солидарidad obrera» публиковал хвалебные материалы о СССР, а барселонская анархо-синдикалистская газета «Диарио де марина» опубликовала за подписью Фернандо Пинтадо статью «Вспомним Ленина». Даже сочувствовавший либералам НКТ немецкий синдикалист

Рюдигер счел в связи с этим, что подобная публикация «не только нетерпима, с точки зрения принципов, но и является идиотской, со всех точек зрения» [99].

Угрозы НКТ были блефом, что прекрасно понимали и Ларго Кабальеро, и поддерживавший его планы СССР. Многие ведущие анархо-синдикалисты и не собирались идти на радикальные шаги. Как позднее признавал Абад де Сантьян в статье, опубликованной в газете «Тьерра и либертад», в этот период он был уже убежден в необходимости «дисциплинированной армии» для борьбы с фашизмом и «переходного государства» [100].

Позиция руководства НКТ была поддержана Полуостровным комитетом ФАИ. В циркуляре, изданном им 25 октября 1936 г., открыто указывалось, что «быстро и немедленно осуществить наши идеалы» невозможно и потому приходится «принять сотрудничество с другими секторами» и «антагонистическими политическими партиями» (с «целью выиграть войну»), участвовать в различных официальных институтах и тд. С учетом такого положения синдикалов тем более необходимо было, по мнению ФАИ, укреплять организацию испанских анархистов [101].

В конце концов была достигнута договоренность о том, что НКТ получит четыре должности в правительстве, причем сможет сама определить своих кандидатов. Их подбором занялся за закрытыми дверями сам О. Прието, не ставя в известность даже Национальный комитет. Представителей умеренного крыла НКТ Хуана Лопеса и Хуана Пейро (бывших «трентистов») он просто известил по телефону о том, что они будут назначены министрами торговли и промышленности. Членов ФАИ Ф. Монтсени и Гарсиа Оливера пришлось уговаривать, для чего О. Прието направился в Барселону. Монтсени вначале отказалась занять министерский пост, однако О. Прието и секретарь каталонской региональной организации НКТ Мариано Васкес настаивали. Тогда она попросила 24 часа на размышление и посоветовалась с отцом — старым анархистом Федерико Уралесом. Тот сказал ей, что участие в правительстве означает «ликвидацию анархизма и НКТ», но если организация требует, то, с учетом обстоятельств, следует согласиться. Когда разговор с О. Прието возобновился, генеральный секретарь напомнил ей об ответственности перед организацией, и Монтсени дала согласие, хотя, по ее собственным словам, тяжело переживала свой шаг как «разрыв с делом всей жизни». Не сразу согласился войти в правительство и Гарсиа Оливер, которого до той поры считали одним из радикалов. Его больше интересовали тактические соображения: нежелание покидать Барселону, где он играл ключевую роль в организации военного дела. В конечном счете он уступил и согласился, хотя и не преминул возложить ответственность на Национальный комитет НКТ [102]. Хотя впоследствии Гарсиа Оливер заявлял, что все же лишь подчинился решению организации, в действительности он стал с этого момента ревностным сторонником сотрудничества с политическими партиями и течениями. А. Пас утверждает, ссылаясь на имеющиеся у него источники, что О. Прието посетил также Дурруги на Арагонском фронте и пытался уговорить его отправиться в Мадрид в распоряжение центрального правительства, как было условлено с Ларго Кабальеро. Однако Дурруги отказался сделать это, заявив, что он нужен Арагону и его Совету обороны, а на поминание об «ответственности активиста» в резкой форме ответил, что признает лишь «одну ответственность — перед революцией». О. Прието пришлось уехать ни с чем [101].

Вернувшись в Мадрид, О. Прието согласовал с Ларго Кабалье последние детали. 4 ноября 1936 г. рядовые члены НКТ и ФАИ, к собственному изумлению, узнали из газет о том, что в правительстве Ларго Кабальеро появились четыре новых министра от их организаций: ведомство юстиции возглавил Гарсиа Оливер, ведомство промышленности — Хуан Пейро Белис, ведомство торговли — Хуан Лопес Санчес, ведомство здравоохранения — Федерика Монтсени. Руководство НКТ заверило членов организации, что эти министры будут выражать не свое собственное мнение, а позицию организации, «коллективную волю большинства объединенных рабочих масс, выраженную предварительно на общих собраниях». Сама аргументация находилась в резком противоречии с антигосударственными идеями анархизма, который всегда считал государство орудием угнетения и классового господства. В статье утверждалось, будто «обстоятельства изменили сущность правительства и испанского государства»: «Правительство в настоящей ситуации перестало быть руководящим инструментом государственных органов, силой подавления, направленного против рабочего класса; точно так же как государство больше не является органом, разделяющим общество на классы. И оба они со вступлением НКТ еще дальше уйдут от подавления народа». Последняя мысль была вполне созвучна тезису сторонников государственного социализма о том, что государство следует «всего лишь» поставить на службу «всему народу», сформировав власть из своих представителей. «Вступление НКТ в центральное правительство, провозглашала статья, — одно из важнейших событий, какие только знает политическая история нашей страны». Теперь «функции государства будут по согласованию с организациями рабочих организованы руководством ходом экономической и социальной жизни страны. А правительство будет иметь лишь задачу хорошо вести войну и координировать революционную работу по общему плану» [104].

В манифесте Национального комитета НКТ разъяснялось, что согласие на вступление было дано ввиду «деликатной ситуации на наших военных фронтах». Конфедерация стремится к «торжеству иберийской пролетарской революции», «не отказывается и никогда не откажется от своих постулатов» и останется аполитичной, но ввиду тяжелой ситуации была вынуждена «требовать доверенного поста в руководстве». В том же тоне был выдержан манифест организации НКТ Центрального региона: «НКТ не отказывается тем самым от своей программы и своих принципов. Она согласилась войти в правительство только и исключительно, чтобы выиграть войну» [105]. Согласие между НКТ и ВСТ должен был скрепить документ об основах будущего пакта между ними, подписанный 26 ноября 1936 г. [106].

Верно ли оценивали ситуацию «руководящие» круги НКТ— ФАИ? С учетом будущего развития событий можно сказать, что нет. Они исходили из того, что в Испании борются между собой две главные силы — фашисты и антифашисты, причем первые, по их мнению, выражали интересы буржуазии и помещиков, а вторые — пролетариев и мелкой буржуазии. В действительности, как верно отметил историк Гомес Касас, развернулась «трехсторонняя борьба... между мятежом, революцией и контрреволюцией, то есть борьба всех против всех». В такой ситуации «линейные» решения не оправданы. Именно этот аспект НКТ и ФАИ не учитывали [107].

В день вступления НКТ в правительство Дуррути выступил по радио с речью. Текст ее не сохранился, варианты, опубликованные в печати, по свидетельству некоторых очевидцев,

подверглись сильной цензуре и были искажены. Маркос Альфонсо вспоминал, что Дуррути «заставил их (ответственных деятелей НКТ и ФАИ. — ВД.) трепетать от страха, объявив им в чрезвычайно резком тоне, что им не удастся удушить революцию под предлогом бесцветного антифашизма...» [108]. Это была последняя речь лидера анархистских радикалов. Мадрид был на грани захвата франкистскими войсками, и республиканское правительство 6 ноября в панике покинуло его. Уступая многочисленным просьбам, колонна Дуррути пришла на помощь осажденному Мадриду и в упорных боях помогла спасти его от падения. Однако сам Дуррути 19 ноября 1936 г. погиб при таинственных обстоятельствах. Противники уступок и правительственного сотрудничества потеряли свою наиболее заметную, символическую и популярную в анархо-синдикалистских массах фигуру.

Представители НКТ оставались в правительстве до мая 1937 г. Итог эксперимента с «хождением во власть» оказался для испанского анархо-синдикализма катастрофическим. Его министрам не удалось ни способствовать улучшению военной ситуации, ни остановить наступление на революционные завоевания. Монтсени публично признала неудачу участия в правительстве, а Х. Лопес под черкнул невозможность чего-либо достичь в ситуации, когда другие экономические посты находились в руках коммунистов и правых социалистов [109]. Разумеется, члены правительства от НКТ—ФАИ способствовали осуществлению ряда преобразований. Так, по инициативе Монтсени, по всей республиканской зоне вводилось бесплатное медицинское обслуживание, построены новые медицинские заведения, легализованы аборты и тд. Гарсиа Оливер добился узаконения «свободных» браков, смягчения режима пребывания в тюрьмах и концентрационных лагерях¹¹⁰, предоставления права способности женщинам и отмены наказаний за преступления, совершенные до 19 июля 1936 г. Тем не менее все эти меры не имели никакого отношения к собственной «программе» анархо-синдикалистов и не соответствовали их «идентичности».

Представителям НКТ не удалось добиться профсоюзного контроля над «практикой монополии внешней торговли» и принятия предложенных ими проектов декретов о коллективизации в промышленности и о финансовой помощи коллективам. Правительственный декрет от 22 февраля 1937 г. предусматривал возможность государственного контроля и огосударствления в промышленности [111].

Более того, деятельность «товарищей-министров», как называли в либертарных кругах членов правительства от НКТ—ФАИ, не только была разрывом с основополагающими принципами и традициями движения, но и принесла анархистам одни неприятности. Так, юридические реформы Гарсиа Оливера включали, среди прочего, и такие «либертарные» действия, как организация «трудовых лагерей» для преступников. Некоторые из разработанных им декретов (например, о тюремном заключении за хранение оружия или взрывчатки на срок до 20 лет) были после боев в мае 1937 г. в Барселоне использованы против самих анархистов [112].

Либертарные коммуны Арагона

Революция в испанской деревне в целом зашла дальше, чем в городах. Здесь, особенно в районах Арагона, защищаемых анархистскими милициями, давление со стороны властей

ощущалось меньше, а создаваемые кооперативы (коллективы) охватывали не только область производства, но и другие сферы жизни. Члены коллективов добровольно объединяли свою и захваченную у помещиков землю, а часто даже свои денежные средства. Каждая семья сохраняла небольшой огород исключительно для собственных нужд. Права тех, кто желал продолжать обрабатывать землю индивидуально, обычно соблюдались, если они обязывались делать это только собственными силами, без применения наемного труда. Трудно было исключить возможность морального давления на «индивидуалов» со стороны односельчан, но случаев непосредственного физического принуждения при испанской «коллективизации» практически не было. Часто коллективы объединяли всех жителей деревни или подавляющее большинство их. Во многих коллективах вводилась посемейная оплата. Денежные средства богачей экспроприировались революционными комитетами и помещались в банки. В некоторых местах выпустили собственные деньги или талоны. Комитеты брали под контроль распределение, цены устанавливались коллективно и контролировались. Торговля как таковая во многих местах вообще исчезла. Были организованы коллективные склады и магазины, которые часто помещались в бывших церквях [113].

Но и в деревне социальные преобразования шли не скоординированно, по-разному. Частично это было связано с особенностями структуры земельной собственности. Если в Арагоне 80% обрабатываемой земли принадлежало помещикам, то в Валенсийском регионе (Леванте) и Каталонии преобладала мелкая земельная собственность. И хотя среди этих мелких собственников было немало анархистов, которые тоже стали создавать коллективы, в Леванте и Каталонии на этом пути было больше трудностей. В этих районах экспроприировались только земли помещиков. Но вызванная начавшейся войной нехватка продуктов и здесь побудила общинные советы принять меры по ограничению роли частной торговли и развитию социализации. За этим последовал этап создания полных коллективов, хотя и в меньшей мере поддержанных большинством местного населения. Некоторые из них были весьма крупными и процветающими, но в большинстве из них сохранялись денежные отношения. Всего в Арагоне возникло около 400—450 сельскохозяйственных коллективов, в области Валенсии — 900, в Кастилии — 300, в Каталонии — 40, в Эстремадуре — 30 коллективов [114].

Наиболее далеко в сторону осуществления анархистских идей либертарного коммунизма продвинулись преобразования в сельском Арагоне. В арагонских коллективах жили 300 или 400 тысяч человек — 70% населения региона; в их распоряжении находилось около 60% обрабатываемых земель [115]. В феврале 1937 г. конгресс коллективов в Каспе официально подтвердил, что лица, желающие вести хозяйство индивидуально, не вступая в объединение и не используя наемного труда, имеют право делать это, но не должны пользоваться преимуществами и услугами. При этом каждый из них должен иметь столько земли, сколько он может обработать самостоятельно.

Предприятия ремесла и местной промышленности в арагонской деревне, а также службы быта, учреждения культуры и образования тоже обобществлялись. В поселениях были сильны древние общинные традиции [116], и их сохранение облегчало объединение людей в свободные территориальные и хозяйственные сообщества, как это и предполагалось при анархо-коммунизме.

Внутри коллективов отсутствовала какая-либо иерархия, все члены обладали равными правами. Главным решающим органом было регулярное общее собрание членов, которое собиралось обычно раз в месяц. Для текущей координации коммунальной и хозяйственной жизни избирались комитеты, часто возникавшие на базе прежних революционных комитетов. Их члены — в основном делегаты от отраслевых секций — не пользовались какими-либо привилегиями и не получали особого вознаграждения за свою работу. Все они, кроме технических секретарей и казначеев, должны были продолжать обычную трудовую деятельность. Каждый взрослый член коллектива (кроме беременных женщин) работал. Труд был организован на основах самоуправления. Бригады, состоявшие из 5—10 человек, решали все основные рабочие вопросы на еженедельных собраниях. Избираемые на них делегаты выполняли также функции координации и обмена информацией с другими бригадами. Во многих коллективах применялся принцип перемены труда, работники перемещались из одной отрасли в другую по мере надобности. Промышленные предприятия были включены в хозяйственную систему общины, что способствовало воссоединению индустрии и сельского хозяйства. Коллективы объединялись в окружные федерации [117].

Денежное обращение было постепенно ликвидировано. В первые недели после создания во многих коллективах вообще отменили вознаграждение за труд и ввели неограниченное свободное потребление всех продуктов с общественных складов. Но в условиях войны и дефицитов это оказалось нелегким делом, тем более что вне коллективов сохранялось денежное обращение. В сентябре 1936 г. большинство общин перешло на так называемую «семейную оплату». Каждая семья в коллективе получала равную сумму денег (в зависимости от коллектива, примерно по 7—10 песет на главу семьи, еще 50% — на его жену и еще по 15% — на каждого другого члена семьи) [118]. Эти средства предназначались только для покупки продуктов питания и предметов потребления и не должны были накапливаться. Во многих общинах вместо общегосударственных денег были введены местные купоны. В некоторых существовали карточки и талоны. Определенные виды продуктов в условиях войны почти повсюду рационировались, зато некоторые (вино, масло и др.) во многих местах выдавались без всяких ограничений [119]. До последующего решения об отмене денег «в трети из всех 510 сел и городов, принявших коллективизацию в Арагоне, деньги были отменены и товары предоставлялись бесплатно из магазина коллектива по потребительской книжке», «в двух третях были приняты соответствующие заменители денег — боны, купоны, монеты и т.д., которые были действительны только в выпустивших их общинах» [120].

Первое время в деятельности отдельных общин проявлялось определенное местничество, сказывалось и стартовое неравенство коллективов — одни из них были изначально зажиточнее, другие беднее. Как утверждал очевидец, немецкий синдикалист Сухи, вначале некоторые выступали против идеи хозяйственного планирования под лозунгом самообеспечения¹²¹. Полная независимость коллективов друг от друга, различия в благосостоянии общин и в системе распределения затрудняли координацию их хозяйственной деятельности. К этому призывали анархисты — сторонники углубления социальной революции, в том числе Дурруги, который лично агитировал «коллективистов»¹²². В феврале 1937 г. в местечке Каспе состоялся конгресс коллективов Арагона с участием не скольких сотен делегатов. Было принято историческое решение о создании федерации. Участники договорились усилить агитацию в пользу

«коллективизации», создать экспериментальные фермы и технические школы, организовать взаимопомощь между коллективами с предоставлением друг другу машин и рабочих рук. Были отменены границы между селениями и упразднены коммунальные рамки собственности. Объединившиеся коллективы решили координировать обмен с внешним миром, создав для этого общий фонд из продукции, предназначенной на обмен, а не для собственного потребления общин, а также начав составлять статистику производственных возможностей. Наконец, предусматривалась полная отмена любых форм денежного обращения внутри коллективов и их федерации и введение единой для всех потребительской книжки (по ее предъявлению предметы потребления выдавались бесплатно по норме). Последнее должно было помочь установить реальные потребности каждого из жителей региона, чтобы затем, ориентируя производство на конкретные нужды людей, перейти к анархо-коммунистической практике «планирования снизу». На конец было принято и решение политического характера. Центральное правительство все время пыталось взять под контроль непокорный Арагон. Оно настаивало на включении в Совет обороны Арагона (орган, состоявший вначале целиком из анархистов) еще других партий, а в январе 1937 г. распорядилось восстановить в области муниципальные советы. В ответ конгресс в Каспе решил, что эти муниципалитеты не должны вмешиваться в хозяйственную деятельность коллективов [123].

Деятельность арагонских коллективов оказалась весьма успешной. Даже по официальным данным, урожай в регионе в 1937 г. возрос на 20%, в то время как во многих других районах страны он сократился¹²⁴. В Арагоне строились дороги, школы, больницы, фермы, учреждения культуры — во многих селениях впервые; осуществлялась механизация труда. Жители получили доступ к медицинскому обслуживанию и свободному, антиавторитарному образованию (врачи и учителя становились полноправными членами коллективов).

Многие коллективы не платили налоги. Они предпочитали добровольно помогать непосредственно фронту. И это тоже вызывало гнев властей.

«Сверху» и «снизу»: НКТ в поисках курса (конец 1936 г. — начало 1937 г.)

Анархо-синдикалисты пытались продолжать социальные преобразования не только в Арагоне, но и в других областях. Они настаивали на том, что революция идет вперед, хотя, быть может, не такими быстрыми темпами, как предполагалось вначале. «Ситуация войны, в которой мы живем, не заставила нас забыть уроки истории, — подчеркивалось в информационном бюллетене, издававшемся НКТ и ФАИ. — Мы твердо убеждены в анархистских принципах и хотим, чтобы народ ориентировался на них в своих действиях. Ведь только революционный потенциал народа позволяет осуществить социально-экономическое преобразование и идти к цели самых дорогих наших надежд — установлению либертарного коммунизма». «Война навязала переходные решения», но нельзя ради победы в войне отказываться от революции: «обе вещи дополняют друг друга» [125].

Соответственно война в Испании трактовалась как вооруженная борьба с мировым капиталом, который стремится отобрать у испанских трудящихся завоеванные ими свободы и вновь подчинить их «игру капиталистической эксплуатации» [126]. Ее судьбы, по вторяли испанские анархо-синдикалисты, не могут быть решены с помощью международной дипломатии или Лиги Наций, поскольку правящие классы всего мира в своих интересах готовят новую мировую войну [127].

В рядах анархо-синдикалистов росло недовольство отступлением от идеи «тотальной революции». Так, в Валенсии некоторые группы ФАИ и «Либертарной молодежи», сгруппировавшись вокруг издания «Носотрос», выступили против участия в правительстве [128]. В декабре 1936 г. в городе неоднократно распространялись манифесты, подписанные группой «Иконоборцев». В них содержалась резкая критика лиц, представлявших НКТ в правительстве и других государственных органах. Вероятно, она встречала живой отклик среди членов организации, поскольку Национальный комитет НКТ считал необходимым резко отреагировать. Он выступил с обличением «неподконтрольных и безответственных» критиков, которые «никого не представляют». Он подчеркнул, что деятельность членов НКТ в правительстве одобрена участниками регионального пленума синдикатов Леванта и что «Комитет прекрасно знает, что следует делать» [129]. Несмотря на такую отповедь, информационный бюллетень НКТ и ФАИ в том же номере опубликовал статью, в которой напоминалось, что лица, назначенные на ответственные посты в организации, должны служить ей, а не наоборот. Им надлежит строго выполнять решения Конфедерации, а не действовать в пользу «камарильи друзей»¹³⁰. Тем не менее руководство НКТ продолжало заявлять: прежде всего, необходимы «единство и дисциплина», каждый должен быть готов пойти на жертвы. «Любой, кто в эти моменты способствует разделению единых сил, взаимосвязанных в героическом сопротивлении народа против фашистского вторжения, является предателем дела революции», — грозно взывал информационный бюллетень НКТ и ФАИ [131].

Критические (хотя, быть может, и не столь резкие) голоса раздавались со стороны ряда рабочих союзов. Так, единый синдикат деревообделочной отрасли подчеркивал, что анархисты с самого начала могли реализовать свою волю: «заменить режим, который умер 19 июля, другим, более гуманным и равным — либертарным коммунизмом». В Барселоне и в Каталонии «эта трансформация началась». Однако «другие организации воспользовались чувствами людей из НКТ и ФАИ», чтобы повернуть «течение народа» в сторону новых поражений. В результате «вместо того, чтобы перейти к подлинной инкаутации (экспроприации. — В.Д.), широко удовлетворить желания народа, хозяев обязали выплачивать еженедельный заработок, почасовая плата увеличилась, а почасовая сократилась, и это в разгар войны!» На предприятиях, которые все же были конфискованы, появилось большое число «паразитических бюрократов» и контрольных комитетов, не занимающихся производством. Кроме того, возникшие в промышленности коллективы оказывались в неравном положении. Они скорее напоминали кооперативы, хозяйствовавшие в свою пользу и на свой страх и риск, что создавало «два класса: новых богачей и вечных бедняков» [132].

Просто делать вид, что все соответствует первоначальным планам и намерениям, было невозможно. Авторы специальной статьи под названием «Куда идет революция?»,

опубликованной в бюллетене НКТ и ФАИ, не могли отрицать, что анархо-синдикалисты пошли на существенные уступки своим партнерам по антифашистской борьбе («мелкой буржуазии», по анархо-синдикалистской терминологии того времени). «До настоящего момента, благодаря решительному действию трудящегося класса, благодаря революционному импульсу первых дней, благодаря работе, осуществленной с улицы, в противовес официальным директивам, удалось выстроить некоторые минимальные революционные принципы, частично санкционировав то, что было сделано массами...»: конфискацию феодальных поместий и ограничение собственности. Однако авторы статьи настойчиво предостерегали от иллюзии, будто в стране уже произошла социальная революция, вышедшая за демократические рамки: «остались в силе социальные иерархии, старые устои капитализма, механизмы буржуазного государства, частная торговля, прибавочная стоимость, частная собственность и роковой закон наемного труда». Для того чтобы совершить такую революцию, подчеркивали они, необходимо прежде всего изменить экономику страны. Критикуя положение, при котором создание новой экономической системы происходило на местах путано, неровно и без какой-либо координации, статья призывала по договоренности с ВСТ разработать связный план социально-экономических преобразований в Испании [133].

«Экономика должна быть отражением революции», — заявляла НКТ [114]. Отказавшись от немедленной ликвидации государства и устранения правительства, анархо-синдикалисты надеялись, по крайней мере, вырвать из-под его власти экономическую деятельность. Они были убеждены, что «мелкая буржуазия, представленная в правительстве и подобных ему официальных центрах», бюрократия, чиновники, «ненужные посредники и промежуточные звенья» не в состоянии обеспечить нормальную работу и развитие хозяйства. Профсоюзы и их организация обязаны «контролировать все производство и управлять им». «Не существует возможных среди них решений: вся экономика должна перейти к синдикатам» [135].

«Официальные органы, — писал информбюллетень НКТ и ФАИ, — должны ограничиться исключительно своими функциями: официальными отношениями с другими странами» и заключением торговых договоров с заграницей. Производству и распределению продуктов следовало перейти под контроль автономных и федералистских организаций производителей, прежде всего — синдикатов [136]. Большое значение придавалось децентрализации и деификации хозяйства, стремлению «любой ценой не допустить, чтобы производство в стране централизовалось в двух или трех городах» и обеспечить «полную автономию округов в операциях по обмену продуктом, как внутри страны, так и с заграницей» [137].

Как объяснял, к примеру, единый синдикат деревообделочной отрасли, анархо-синдикалисты признали декрет Женералитета о коллективизации, но на практике стремились придать ему другую ориентацию. «Мы согласны с коллективизацией всех отраслей, но с единой кассой, переходя к эгалитарному распределению. С чем мы не согласны, так это с тем, что будут коллективы бедные и богатые...» [138].

Синдикаты и федерации НКТ активно обсуждали планы социализации экономики. Федерация объединенных профсоюзов водо-, газо- и электроснабжения разработала проект обобществления электроснабжения [139]. Представители текстильных федераций НКТ и ВСТ, собравшись на общее собрание, постановили «перейти к полной коллективизации текстильной отрасли в Каталонии» и утвердили систему самоуправления в ней [140]. Участники местного пленума синдикатов НКТ в Валенсии высказались за необходимость того, чтобы «социализация отраслей промышленности осуществлялась в общенациональных масштабах». Они предложили схему организации самоуправления на всех уровнях, включающую советы фабрики, секции, отрасли и общий Экономический совет. Каждая отраслевая секция должна была полностью и детально изучить положение в своей отрасли и представить Экономическому совету проект социализации с точным указанием наличных мощностей и производительности, числа работников, имеющегося сырья, рынков сбыта и возможностей хозяйственного развития [141]. 1 января 1937 г. Национальный конгресс транспортной отрасли дискутировал вопрос о национализации или социализации отрасли [142]. В Леванте региональная федерация крестьян и единый синдикат трудящихся, производящих экспортные фрукты, обратились с воззванием к крестьянам, занятым в производстве апельсинов и иных плодов, которые служили одним из основных источников иностранной валюты. Ситуация, когда каждый населенный пункт или синдикат самостоятельно занимался экспортом и распоряжался полученными средствами и между ними развивалась конкуренция, была названа «печальной». Синдикаты призвали создать «центральный орган», общий фонд продукции и фонд взаимопомощи, контролируемые самими крестьянами [143]. В последующем федерации крестьян Леванта удалось объединить около половины производства апельсинов; до 70% урожая направлялись через ее торговую организацию на европейские рынки [144].

В феврале 1937 г. конгресс НКТ Каталонии одобрил план перестройки отраслевых синдикатов, которые должны были охватить и контролировать весь цикл производства — от выращивания продуктов или добычи сырья до распределения произведенных товаров¹⁴⁵. В Каталонии был организован экономический опрос местных синдикатов и объединений. Таким путем собиралась информация, которая должна была служить созданию «революционной экономики» с системой «планирования снизу». Эта статистика включала, в частности, данные о географическом положении и условиях, традициях

социально-революционного движения, экономической ситуации и экономических связях местности, о положении с жильем, о возможностях на будущее и т.д. [146]

Хотя анархо-синдикалисты претендовали на контроль над всей экономической системой Испании, им приходилось считаться с ограничениями и в этой области. По существу, уже зимой 1936—37 гг. начала приобретать первые очертания идея создания от дельного хозяйственного сектора, управляемого НКТ. «Коллективизации переходят к тому, чтобы стать принципом социализации экономики... Но в настоящее время, в данную переходную эпоху, принимая во внимание, что завтра нам потребуются также поддержать живые отношения с другими странами и что денежные знаки все еще существуют», в бюллетене НКТ—ФАИ предлагалось изучить идею создания Банка Конфедерации как «посреднического механизма» между отраслевыми федерациями [147].

«Тому, кто находился здесь с самого начала, могло показаться, что в декабре или январе революционный период уже близится к концу. Но для человека, явившегося сюда прямо из Англии, Барселона представлялась городом необычным и захватывающим... — свидетельствовал писатель Дж. Оруэлл. — Почти все крупные здания были реквизированы рабочими и украшены красными знаменами или красно-черными флагами анархистов <...>; все церкви были разорены, а изображения святых брошены в огонь... На всех магазинах и кафе были вывешены надписи, извещавшие, что предприятие обобществлено, даже чистильщики сапог, покрасившие свои ящики в красно-черный цвет, стали общественной собственностью. Официанты и продавцы глядели клиентам прямо в лицо и говорили с ними как с равными, подобострастные и даже почти телесные формы обращения временно исчезли из обихода... Чаевые были запрещены законом... Реквизированы были и частные автомобили, а трамваи, такси и большая часть других видов транспорта были покрашены в красно-черный цвет. Повсюду бросались в глаза революционные плакаты, пылавшие на стенах яркими красками <...>, немногие сохранившиеся рекламные объявления казались рядом с плакатами всего лишь грязными пятнами... Из громкоговорителей до поздней ночи гремели революционные песни».

Несмотря на «привкус войны» и полупустые магазины («мясо появлялось очень редко, почти совсем исчезло молоко, не хватало угля, сахара, бензина», иногда ощущалась нехватка хлеба), «народ был доволен и полон надежд», продолжает Оруэлл. «...Удивительнее всего был облик самой толпы. Глядя на одежду, можно было подумать, что в городе не осталось состоятельных людей... Почти все без исключения ходили в рабочем платье, в синих комбинезонах или в одном из вариантов формы народного ополчения... Многие буржуа просто притаились... На улицах редко попадались люди, бедность которых бросалась в глаза. Не видно было нищих... Главной же — была вера в революцию и будущее, чувство внезапного прыжка в эру равенства и свободы. Человек старался вести себя как человек, а не как винтик в капиталистической машине» [148].

Наступление властей против революции зимой — весной 1937 г.

Но отстаивать сделанные завоевания анархо-синдикалистам становилось все труднее. Участились нападки коммунистов, правых социалистов и республиканцев на «коллективизацию» в экономике. На созванном в январе 1937 г. ВСТ конгрессе мелких земельных собственников Каталонии коммунистические ораторы резко обрушивались на коллективы [149].

Постоянно вспыхивали конфликты между республиканскими властями, с одной стороны, профсоюзами и «коллективами» — с другой. Министр продовольствия Каталонии воспротивился планам социализации распределения, предложенным синдикатами НКТ в Барселоне¹⁵⁰. Острый кризис вызвало стремление правительства взять под контроль экономическую деятельность рабоче-крестьянских коллективов апельсиновых плантаций в области Валенсии (их продукция, напомним, в значительной мере экспортировалась и служила источником валюты). Министр торговли Хуан Лопес, член НКТ, поддержанный министром сельского хозяйства — коммунистом Урибе, издал в начале 1937 г. декрет о правительственном контроле над экспортом продукции сельскохоззяйственных коллективов, однако ряд валенсийских кооперативов отказался его признать¹⁵¹. Власти направили военно-полицейские части с артиллерией и танками против стратегических деревень ульера и Альфара, но крестьяне, вооруженные охотничьими ружьями и двумя старыми пушками, оказали им ожесточенное сопротивление. Их поддержали жители окрестных округов Хатива, Каркахенте, Гандиа и Суэка, образовавшие «Фронт Гандиа». Крестьяне селений Катарроха, Лириа, Монкада, Патьерна и Бурриана создали «Фронт Виланеса». На помощь коллективам подоспели два батальона из либертарной «Железной колонны» и два батальона из колонны НКТ, снявшиеся с фронта на участке Теруэля — Сегорбе. Бои в районе Кальера продолжались четыре дня, после чего правительственные силы попытались перейти в наступление в обратном направлении. После вмешательства НКТ было достигнуто соглашение о прекращении огня и взаимном освобождении пленных [152]. Коллективы Леванта сохранили контроль над производством и экспортом апельсинов.

«Инцидент в Виланеса» сопровождался одним из первых открытых проявлений открытого противостояния между рядовыми членами и лидерами НКТ. Региональный пленум крестьянских синдикатов в Валенсии в марте 1937 г. протестовал против действий правительства и потребовал немедленного освобождения арестованных. Национальный комитет НКТ, в свою очередь, возложил вину на отдельных лиц в синдикатах и сельской местности и призвал не играть на руку врагу. Комитет сделал упор на то, что он не был информирован о событиях и не давал согласия на организацию сопротивления, потребовав, чтобы впредь его ставили в известность, прежде чем принимать какие-либо меры в сходных ситуациях [153].

Лидеры НКТ стремились во что бы то ни стало сохранить «антифашистское единство», заняв примирительную позицию в отношении своих политических противников. После ряда конфликтов с коммунистами Национальный комитет предпочел, вместо резкой реакции, призывать к установлению контактов между ним и ЦК компартии Испании для поиска формулы, позволяющей «избежать повторения происшествий, наподобие тех, о которых мы сожалеем». Исходя из «недопустимости разрыва фронта антифашистской борьбы», Национальный комитет предложил, чтобы каждая из сторон в своей пропаганде соблюдала «линию сердечности» и не забывала о сотрудничестве. Каждая из организаций должна

была пресекать возникающие инциденты, останавливая своих членов [154]. Под прикрытием «разделения ответственности» с НКТ и ФАИ испанские и каталонские республиканские власти смогли за время участия их представителей в правительстве добиться осуществления таких контрреволюционных мер, как ликвидация народных ополчений и их полная замена регулярной армией (29 января 1937 г.), которая оказалась, как показал дальнейший ход войны, гораздо менее боеспособной, роспуск революционных комитетов и местных советов по всей стране с заменой их назначаемыми органами (4 января 1937 г.), ликвидация рабочих отрядов по поддержанию порядка в Каталонии («контрольных патрулей») (март 1937 г.) [155].

Многие анархо-синдикалистские бойцы на фронте не согласились с включением в регулярную армию. Вопрос обсуждался в начале февраля 1937 г. на пленуме колонн НКТ и ФАИ в Валенсии. Лидеры НКТ и ФАИ потребовали принять такое решение. Особенно резко возражали против милитаризации бойцы сектора Гельсы, принадлежавшие к колонне Дуррути (их делегатом был Пабло Руис). Пришлось образовать комиссию колонны во главе с Хосе Мансаной, которая смогла уладить спор с Региональным комитетом НКТ. В соответствии с достигнутым соглашением, ополченцы, которые не желали влиться в Республиканскую армию, получали возможность покинуть фронт [156].

Начались преследования отдельных либертарных активистов, особенно тех, кого считали «неподконтрольными». Так, в апреле 1937 г. из страны был выслан польский анархист Израэль Стэн. Национальный комитет НКТ безуспешно пытался добиться от Министерства внутренних дел отмены этого решения. Специальное подразделение испанского МВД произвело в марте 1937 г. арест итальянского анархиста Джино Бибби — одного из организаторов покушения на Муссолини в 1936 г. НКТ требовала от министра освобождения Бибби, затем просила об облегчении свиданий с ним. В конце концов арестованного удалось освободить [157]. В Альмериции был арестован по ложному обвинению руководитель анархистской колонны Марото, освобожденный только 3 мая 1937 г. Происходили и прямые нападения на членов НКТ и ФАИ. Имелись десятки случаев расправ с анархистами или произвольных арестов анархистских активистов. За последние месяцы перед майскими событиями в Центральном регионе Испании были убиты в результате покушений 80 анархистов [158]. В марте 1937 г. в Вильянуэва-дель-Алькардете коммунисты убили 16 анархистов [159]. В Севилье, Малаге, Кордове, Гранаде и других городах имели место насильственные столкновения между анархистами и коммунистами [160].

Основной задачей властей в этот период стало разоружение трудящихся. В апреле 1937 г. центральное правительство попыталось лишить анархо-синдикалистов контроля над границей. Оно направило в пограничный с Францией район несколько тысяч карабинеров, среди которых было сильно влияние социалистов и коммунистов. В каталонских Пиренеях произошли столкновения. Центром волнений стал небольшой городок Пуигсерда, в котором анархисты развернули активную созидательную социальную и культурную работу, вызывавшую уважительные отклики посетителей-иностранцев. Каталонские националисты, примкнувшие к карабинерам, застрелили анархиста-мэра городка Мартина. В те же дни под Барселоной неизвестные лица убили местного активиста ВСТ Рольдана Коргаду. Хотя региональный комитет НКТ немедленно выпустил манифест, в котором осудил убийство, по обвинению в его совершении были арестованы 9 членов НКТ. Никаких доказательств не

было, и задержанных пришлось освободить, однако про тив анархистов была развернута настоящая кампания травли, их разоружали и арестовывали. В ответ округа, находившиеся под контролем НКТ, были приведены в состояние обороны и патрули ровались вооруженными рабочими. Спокойствие восстановилось только после заключения компромисса: центральное правительство обещало сохранить число карабинеров на границе на уровне, суще ствовавшем до 19 июля 1936 г.; арестованные и задержанные анар хисты были освобождены [161].

Неуловимо, но явно менялся настрой общества. «Происходило всеобщее “обуржуазивание”, умышленное уничтожение духа все общего равенства, царившего в первые месяцы революции», — вспоминал Оруэлл [162]. В апреле 1937 г., вернувшись с фронта, он увидел, что «Барселона вновь стала обычным городом <...>, потеряв шим все признаки рабочей столицы... Почти совсем исчезла фор ма ополчения и синие комбинезоны; почти все были одеты в мод ные летние платья и костюмы... Толстые мужчины, имевшие вид преуспевающих дельцов, элегантные женщины, роскошные авто мобили — заполняли улицы... Взад и вперед сновали офицеры но вой Народной армии... На каждые десять солдат... приходился один офицер... Офицеры относились к солдатам, может быть, и не со всем так, как в буржуазной армии, но между ними явно определи лась сословная разница, выразившаяся в размерах жалованья и в крое одежды... Шикарные рестораны и отели были полны толсто сумов, пожиравших дорогие обеды, в то время как рабочие не мог ли угнаться за ценами на продукты, резко подскочившими вверх... Ощущалась также нехватка всевозможных продуктов, что также било главным образом по бедным, а не по богатым. Рестораны и отели доставали все, что хотели, видимо, без особого труда, в то время как в рабочих кварталах выстраивались длиннейшие хвосты очередей за хлебом, оливковым маслом и другими продуктами». Вновь появились нищие. «Возле гастрономических магазинов... каждого выходившего покупателя окружали стаи босоногих маль чишек, пытавшихся выклянчить крохи съестного. Исчезли “рево люционные” обращения... Официанты снова нацепили свои крах мальные манишки... Продавцы гнулись в три погибели перед покупателями... Незаметно, украдкой вернулся старый обычай да вать на чай. Рабочие патрули были распущены, а на улицах появи лась довоенная полиция. За этим сразу же последовало открытие кабаре и шикарных публичных домов, многие из которых в свое время были закрыты рабочими патрулями. Все было направлено теперь на удовлетворение запросов богачей... Богачи пользовались плодами контрабанды, и поэтому ей попустительствовали. Если вы имели достаточно денег, вы могли купить все, что угодно, в любом количестве, разве что за исключением хлеба, который рациониро вался сравнительно строго». Но «проходя по одной из фешенебель ных улиц, я увидел в витрине изысканнейшие торты и пирожные, продававшиеся по невероятно высокой цене», — свидетельствовал английский писатель.

Стоит ли удивляться тому, что в такой обстановке революцион ный энтузиазм иссякал и одновременно нарастало «всеобщее рав нодушие к войне». «...Большинство только и мечтало о том, чтобы война кончилась. Эго настроение ощущалось повсеместно... Поли тически сознательные люди гораздо лучше ориентировались в ходе междоусобицы анархистов и коммунистов, чем в ходе войны с Франко» [163].

Решающий конфликт неминуемо приближался. Возможно, как талонские националисты и коммунисты-сталинисты рассчитывали, что либертарианцы и далее готовы отступить. Как сообщал Оруэлл, в Барселоне поговаривали, что глава Женералитата Компанис якобы бы заявил, смеясь, что «анархисты все проглотят»¹⁶⁴. Однако в начале мая 1937 г. кризис, спровоцированный нападением полиции на находившуюся под рабочим контролем телефонную станцию Барселоны, вызвал массовое восстание анархо-синдикалистских рабочих города.

Майские события 1937 г. в Барселоне и их последствия

3 мая 1937 г. полицейский отряд под руководством генерального комиссара по охране общественного порядка Родригеса Саласа (коммуниста), посланный непосредственно каталонским министром (советником) безопасности Айгуаде, попытался захватить Центральную телефонную станцию Барселоны. Станция контролировалась после июля 1936 г. синдикатами НКТ и ВСТ. Рабочие отказались повиноваться и оказали сопротивление. Их поддержали вооруженные анархо-синдикалистские трудящиеся, к которым присоединились милиции ПОУМ. Они закрепились в рабочих кварталах, в то время как полиция и силы, верные коммунистам и каталонским националистам, удерживали центр Барселоны. Стихийно вспыхнула всеобщая стачка, в городе сооружались баррикады и шли уличные бои.

Основой самоорганизации трудящихся, как и в июле 1936 г., стали квартальные «комитеты обороны». «Протест трудящихся в действительности не исходил от комитетов НКТ и ФАИ, но от того, что называют “баррикадами”, из рабочих кварталов, от самой массы», — свидетельствовал Барселонский секретариат МАТ. Коммунисты схватили и убили ряд активистов в столице Каталонии и окрестных районах. Однако коммунистам и националистам не удалось склонить чашу весов в свою сторону. Анархо-синдикалистские массы смогли удержать под своим контролем большую часть города, и возникла реальная возможность для углубления социальной революции. Тем не менее, лидеры НКТ и ФАИ, опасаясь краха «антифашистского единства», отказались принять решительные меры¹⁶⁵. Абад де Сантьяго позднее рассказывал, что береговые батареи в Барселоне находились под контролем анархистов: они имели возможность открыть огонь по правительственным зданиям и разрушить их. Военное ведомство в каталонском Женералитате возглавлял член НКТ Ф. Исглеас, но оно не вмешивалось в конфликт. Анархистские ополчения на фронте Уэски формировали колонну бронемашин, чтобы идти маршем на Барселону, но это выступление было остановлено заместителем секретаря по обороне в каталонском правительстве — членом ФАИ Хуаном Мануэлем Молиной [166].

5 мая из Валенсии, где размещалось центральное правительство Республики, прибыла делегация НКТ и ВСТ, приступившая к переговорам о прекращении боев. Утром 6 мая оба профцентра призвали прекратить огонь, но бои еще продолжались. Лидеры НКТ и ФАИ распорядилось отвести вооруженных рабочих и разобрать баррикады. «Комитеты НКТ и ФАИ дискутировали с делегатами кварталов («баррикады») до тех пор, пока существовала опасность, вызванная кровавыми столкновениями на улице, и, придя к общему соглашению, они выдвинули лозунг «Прекратите огонь!», — свидетельствовали члены Барселонского секретариата МАТ [167]. Бойцы НКТ, ФАИ и «Либертарной молодежи», бешено проклиная «предательство», покидали баррикады.

Всего, по официальным данным, в ходе кровавых боев в Барселоне погибли 500 человек и не менее 100 были ранены. Во время событий противники анархистов похитили и убили многих видных активистов либертарного движения, таких как итальянские анархисты Камилло Бернери и Барбиери, а также 12 активистов

«Либертарной молодежи», включая члена Каталонского регионального комитета этой организации Альфредо Мартинеса и др. [168]

Уже после того, как бои были прекращены, центральное правительство направило в Барселону 5 тысяч штурмовых гвардейцев для «восстановления общественного порядка» [169]. Министр внутренних дел распорядился, чтобы все организации и граждане сдали имеющееся у них оружие. Начались обыски на улицах и в домах, конфискация оружия; тех, у кого оно обнаруживалось, а также просто подозрительных подвергали аресту. «У всех на устах были те же слова: «В городе кошмарная атмосфера. Мы живем, как в сумасшедшем доме»»¹⁷⁰. В июне были официально распущены рабочие

«контрольные патрули» и рабочие комитеты контроля в армии¹⁷¹. Анархистские издания подвергали государственной цензуре.

«Республиканская контрреволюция» перешла в контрнаступление: Ларго Кабальеро — сторонник компромисса с анархистами — был 15 мая смещен с поста премьера, представители НКТ и ФАИ вытеснены из состава центрального и каталонского правительств. Испанский кабинет возглавил социалист Х. Негрин, получивший полную

поддержку коммунистов.

Правительственные репрессии обрушились не только на партию ПОУМ, обвиненную в «троцкизме» и «заговоре», но и на многих анархистов. В июле 1937 г. в Барселоне было арестовано не менее 100 зарубежных анархистов и синдикалистов, представителей различных секций МАТ и других либертарианцев, приехавших помогать Испанской революции. Лишь немногие из них были освобождены, многие депортированы. «Немецкий или итальянский фашистский паспорт сегодня производит лучшее впечатление, чем документы анархо-синдикалистских организаций», — возмущалось оппозиционное анархистское издание «Идеас», требуя немедленно освободить задержанных. Кроме того, как признавал Мариано Васкес (с ноября 1936 г. — генеральный секретарь НКТ), под арестом находились 800 членов НКТ, около 60 «исчезли» [172]. К концу 1937 г., как сообщалось, число арестованных членов НКТ достигло 2,5 тысяч [173]. Испанская анархо-синдикалистская организация требовала от властей страны освободить ее членов, но правительства Республики и Каталонии, задавшись целью «восстановить принцип автономии», не реагировали. В отчете Жоана Доменека, секретаря каталонской региональной федерации НКТ, выражалось требование к «ответственным органам» Конфедерации: «прервать всякие связи с представительными органами юстиции как Каталонии, так и центрального правительства». Заключенные призывались к протестам и неповиновению [174].

Многих заключенных помешали в концентрационные лагеря — те самые, которые первоначально были созданы в свое время как трудовые лагеря по распоряжению министра юстиции Гарсиа Оливера, члена НКТ [175].

В августе 1937 г. правительственным декретом был распущен Совет обороны Арагона. Для осуществления этой меры военный министр-социалист Индалесио Прието направил республиканские войска под командованием коммуниста Э. Листера. Они окружали деревни и городки, врываются в них, как на вражескую территорию, и устраивали «зачистки», разоружая население. Около 600 либертарианских и крестьянских активистов были арестованы; некоторые убиты и ранены. Примерно треть коммун была разрушена; их земли и инвентарь были розданы частным владельцам. Комитеты НКТ и ФАИ приказали фронтовым частям, сформированным на базе прежних анархистских колонн и находившимся под командованием их членов, не покидать фронт в попытке защитить революцию в Арагоне [176]. Сельскохозяйственные коллективы сохранялись в республиканской зоне до самого падения Республики и пытались продолжать координировать свою деятельность. Так, в июне 1937 г. национальный пленум региональных крестьянских федераций обсудил в Валенсии координацию и развитие движения, более равномерное распределение производства по стране. В Кастилии в октябре 1937 г. произошло объединение региональной федерации крестьян и синдиката работников сферы распределения продовольствия. В ноябре эта мера была одобрена и на национальном конгрессе коллективов в Валенсии [177]. Но теперь кооперативы представляли собой лишь один из секторов в рамках смешанной экономики республиканской зоны, и о внедрении либертарно-коммунистических принципов анархизма уже не могло быть и речи.

В течение второй половины 1937—1938 гг. правительство Х. Негрина издало ряд декретов, которые распускали незарегистрированные аграрные коллективы, остальные ставили под

контроль государства, а также (под предлогом военных надобностей) постепеменно сокращали сферу рабочего самоуправления в промышленности — вплоть до прямого или косвенного огосударствления и милитаризации большей части индустрии [178]. Так, в августе 1937 г. правительство распорядилось приостановить действие каталонского декрета о коллективизации в металлургии и горном деле; в августе 1938 г. вся военная промышленность была милитаризована [179]. Усиление государственного контроля над экономикой происходило на фоне неудач на фронте. Республиканская Народная армия с трудом сдерживала натиск франкистских войск, которым помогали итальянские и германские воинские соединения. Летом 1937 г. Республика потеряла Страну Басков, осенью того же года лишилась Сантандера и Астурии. В конце октября центральное республиканское правительство переехало из Валенсии, где оно находилось с конца 1936 г., в Барселону, по существу лишив Женералитат реальной власти в Каталонии.

НКТ после мая 1937 г.

Лидеры НКТ и ФАИ практически не оказывали серьезного сопротивления наступлению на либертарное движение. Правда, первой их реакцией на создавшуюся ситуацию стал словесный протест. Национальный комитет Конфедерации заявил, что не намерен сотрудничать «ни с каким правительством, в котором в качестве председателя и военного министра не будет фигурировать товарищ Франсиско Ларго Кабальеро». Предложение Негрина о взаимодействии было отвергнуто [180]. 21 мая 1937 г. Национальный комитет НКТ и Полуостровной комитет ФАИ опубликовали свою версию майских событий, истолковав их как контрреволюционный заговор политических партий и мелкой буржуазии с целью отстранить правительство Ларго Кабальеро [181].

Пленум региональных комитетов НКТ в Валенсии 23 мая 1937 г. принял решение о прекращении «прямого или косвенного» сотрудничества с правительством и о намерении вместе с ВСТ организовать оппозицию, не ввязываясь в «безнадежные» уличные батальи. В случае отказа социалистического профцентра от этого предложения предполагалось созвать новый пленум. В работе конференции приняли участие и члены Полуостровного комитета ФАИ, и делегаты утвердили план создания совместной информационной и координационной службы НКТ, ФАИ и «Либертарной молодежи», а также был дан зеленый свет созданию комитетов связи трех организаций [182].

Но уже на новом форуме, собравшемся 3 июня, голоса выступавших звучали по-иному. Собравшиеся постановили продолжить политическое сотрудничество «на достойных и действительно пропорциональных условиях» [183]. Пленум утвердил подписанную М. Васкесом «Программу-минимум по проведению подлинной военной политики». В документе, представленном правительству, подтверждался курс на то, чтобы «в первую очередь, выиграть войну», но при этом утверждалось: «...Без немедленного проведения политики войны и обновления, осуществляемой в равной мере всеми отделами правительства Республики, невозможно выйти из маразма, в котором мы находимся уже на протяжении долгих месяцев». Задуманный как ответ на майский кризис, план НКТ отнюдь не предусматривал никаких радикальных перемен и был нацелен, прежде всего, на расширение участия НКТ в принятии важных решений на всех уровнях. Так,

предусматривалось формирование единого военного руководства и командования, подсекретариата по военной промышленности Министерства национальной обороны, Национального комитета по военной промышленности, единого корпуса безопасности и Совета по общественной безопасности в тылу, Экономического совета, Национального совета по вопросам образования, советов советников в министерствах, а также назначение губернаторов, послов и консулов за рубежом на основе равномерного представительства «трех антифашистских секторов — марксистского, либертарного и республиканского». В качестве других мер НКТ предлагала: строгое соблюдение правительственной монополии внешней торговли, пересмотр таможенных тарифов с целью облегчения ввоза военных материалов и продуктов питания, муниципализацию (при участии НКТ и ВСТ) жилья, земли, а также операций по продаже, обмену и приобретению продуктов, признание свободы как коллективной, так и индивидуальной обработки земли, легализацию коллективов в промышленности («под управлением государства или под контролем синдикатов»), создание профсоюзной службы по инспекции труда, пересмотр всего законодательства, принятого до 19 июля 1936 г., с учетом «надежд народа и новых концепций жизни», осуществление программы общественных работ. В области внешней политики предусматривался отказ от любых соглашений с фашистами, от любого посредничества в деле прекращения войны в Испании, недопущение какого-либо вмешательства извне в испанские дела, интенсификация пропаганды за рубежом с целью «вывести международный пролетариат из летаргического сна и заинтересовать его в нашем деле» [184].

Комментируя предложенный документ, анархо-синдикалистская газета «Кастилья либре» 6 июня признавала: «Речь... не идет о программе, имеющей анархистскую ориентацию. Нет. Хотя Национальная конфедерация труда имеет на фронте больше людей, чем кто-либо другой, хотя в производящем тылу она представляет больше людей, чем все политические партии вместе, она не стремится навязать им свои постулаты силой». Программа преследует одну цель: добиться единства ради достижения победы¹⁸⁵. Иными словами, НКТ довольствовалась тем, что пыталась отстаивать свои интересы в рамках сложившейся структуры республики, и уже не претендовала на большее. Испанский анархо-синдикалистский исследователь Муньос Конгост обоснованно утверждал, что положения программы-минимум несли на себе «явный социал-демократический отпечаток» [186].

11 июня 1937 г. НКТ и ФАИ в изданном ими циркуляре выражали протест против полицейских репрессий, нападений на коллективы и чистки, но никаких реальных мер сопротивления принято не было. Все вновь ограничивалось словесными заявлениями, такими как письмо Национального комитета анархо-синдикалистского профобъединения в адрес президента Республики, председателя палаты парламента и Совета министров, министрам юстиции и внутренних дел и центральным комитетам всех партий и организаций от 27 июня. Возобладала надежда на то, что антифашистское соглашение все-таки будет достигнуто. 29 июля 1937 г. Национальный комитет НКТ и исполнительная комиссия ВСТ подписали новое соглашение об основах альянса; был образован совместный комитет по связям [187].

В международной области лидеры НКТ рассчитывали на образование коалиции «антифашистских государств», отказавшись от традиционного анархистского осуждения

империалистической политики всех государств. Анархо-синдикалистский журнал «Умбраль» писал о «честности» советской внешней политики. Валенсийская газета «Ла Фрагуа социаль» 11 сентября 1937 г. приветство вала «крестовый поход» демократий против фашизма и с симпатией отзывалась об оборонческой политике британских лейбористов, выражая уверенность в том, что в случае войны с Италией трудящиеся Великобритании поддержат свое демократическое правительство. «Солидарidad obrera» 27 сентября 1937 г. восхваляла демократизм мексиканских выборов, а 23 сентября того же года — «великолепную демократию» турецкого авторитарного правительства Кемаля Ататюрка, названного газетой «великим спасителем своей страны»¹⁸⁸. В мае 1938 г. Национальный комитет НКТ направил приветственное послание конгрессу Международной федерации профсоюзов в Осло, в котором называл делегатов форума Амстердамского Интернационала «сбравшимися представителями мирового пролетариата». НКТ тщетно призывала их поддержать предложение МАТ о бойкоте фашистских государств [189].

Чтобы усилить контроль над «рядовыми» анархистами, была начата реорганизация движения. 14 июня 1937 г. на совместном региональном пленуме каталонских синдикатов НКТ и групп ФАИ в Барселоне участники постановили создать Совет по политическим делам, состоявший из двух делегатов НКТ и по одному делегату от ФАИ, «Либертарной молодежи» и Крестьянской федерации. Одновременно было одобрено участие анархо-синдикалистских представителей в каталонском правительстве при условии прекращения репрессий против коллективов, групп и активистов [190].

Пленум ФАИ, который состоялся 4—7 июля 1937 г. в Валенсии, принял решение об изменении организационного устройства Федерации. Традиционно она состояла из «групп единомышленников», действовавших на местах и включавших от 5 до 10 человек. Группы объединялись в местные, окружные и региональные федерации. Мнения об общем числе членов ФАИ значительно расходятся: исследователи называют цифры от 5—7 тыс. [191] до 30 тыс. [192].

Теперь организация должна была строиться на основе строгой вертикали местных, квартальных, окружных групп с соответствующими комиссиями и территориальными федерациями на всех уровнях. Группы друзей-единомышленников могли сохраняться, но больше не считались «органической структурой» ФАИ [193]. План перестройки преследовал цель превратить ФАИ в массовую организацию со строго оформленным и единообразно структурированным членством, что было своего рода шагом на пути ее превращения в политическую партию анархистов. Согласно одобренным принципам, ФАИ не отказывалась от своих «конечных целей», но в то же время объявляла долгом «всех анархистов участвовать в тех публичных институтах, которые могут способствовать обеспечению и развитию нового положения вещей». По существу, это было слегка завуалированное признание курса на сотрудничество в государственных органах Республики, по меньшей мере, пока продолжается война [194].

Хотя после лета 1937 г. говорить о социальной революции в Испании можно было уже только с большой натяжкой, лидеры НКТ и ФАИ продолжали заявлять, что «эпоха, предшествовавшая 19 июля 1936 г., ликвидирована навсегда» и что их организация осуществляет «революционное строительство в период войны». Более того, утверждалось,

что если в течение первого года революции (до июля 1937 г.) в конструктивном деле преобладала «импровизация», то в ходе второго года «эта стадия была превзойдена». Если прежде пролетариат стихийно создавал различные комитеты и иные органы, то теперь имеет место «обдуманное, изученное, опробованное и скоординированное создание необходимых органов» и «прогрессивная, твердая и развивающаяся подготовка нового прогресса», которым испанский пролетариат сможет воспользоваться после победы в войне. Представители НКТ полагали, что сумели добиться «усовершенствования созданных органов и необходимой технической и экономической координации, чтобы поставить на солидную основу конструктивную революцию, осуществляемую пролетариатом республиканской Испании» [195].

Новый курс НКТ был подтвержден на ряде совещаний и конференций, посвященных экономическим вопросам. В сентябре 1937 г. национальный пленум НКТ постановил подготовить и провести специальный пленум территориальных и отраслевых организаций Конфедерации для изучения вопросов «планирования отраслей и интенсификации производства»¹⁹⁶. Участники высказались за условия будущего пакта с ВСТ, признав, в частности, принцип проведения выборов под флагом «Федеративной социалистической республики» [197].

Решения, принятые пленумом, означали, как отмечает Муньос Конгост, «сильный крен в сторону участия в политике и отказ от целей революции» [198]. Они предусматривали, что НКТ снимает все собственно анархистские требования и лозунги ради победы в войне с франкизмом — вплоть до момента, когда ситуация станет более «благоприятной». Предполагалось достичь объединения НКТ и ВСТ, а также обеспечить антифашистское единство на основе программы-минимум с созданием Национального совета антифашистских сил. В перспективе анархо-синдикалисты предполагали перейти к «новому конституционному периоду, отражающему на родные надежды», к «социалистической, демократической и федеративной республике». Вплоть до ее достижения следовало обеспечить сохранность завоеваний революции и пропорциональное представительство в правительстве. НКТ признавала различные формы собственности (национализированную, коллективизированную, муниципальную и частную), соглашалась с национализацией военной промышленности, экспорта, импорта сырья, банков и кредита в обмен на признание коллективов во второстепенных отраслях промышленности, производстве предметов потребления и в кооперативной торговле. Жилье, социальные службы, школы и медицина подлежали муниципализации. Частное предпринимательство сохранялось в мелкой промышленности, торговле и земледелии. Во внешней политике НКТ провозглашала «дружеское согласие с демократиями» [199].

Руководство НКТ время от времени выступало с критикой действий республиканских властей. «Современные условия войны и международного положения вынуждают нас подчиняться некоторым нормам централизации и военной дисциплины. Пользуясь этим, правительство республики пытается провести политику захвата власти и восстановления буржуазной республики, существовавшей до 19 июля», — сетовал информационный бюллетень НКТ—ФАИ в начале 1938 г., после того как правительство издало ряд экономических декретов. Анархо-синдикалисты обвинили власти в стремлении «захватить полный контроль над всеми отраслями промышленности антифашистской Испании,

совершенно не интересуясь, какие практические последствия может дать подобный контроль в смысле улучшения производства». Они утверждали, что правительство, взяв в свои руки руководство военной промышленностью в Каталонии, отстранило «старых специалистов-революционеров» за их приверженность синдикализму и заменило их некоторыми бюрократами и «профессиональными политиками», чем вызвало «крайнее раздражение среди рабочих». В результате пострадала экономика: возникли «дезорганизация и конфликты зачастую столь серьезные», что они вынуждали «правительственных комиссаров давать “задний ход” под прикрытием тщеславных официальных деклараций». НКТ подтвердила требования о предоставлении руководства промышленностью «синдикатам и коллективам». Однако, начав с резких заявлений против правительственных мер, она ограничилась неопределенным и бессильным выводом: НКТ, «как всегда, внимательно следит за этими нежелательными попытками и принимает необходимые меры в нужных случаях», не давая врагам революции «наложить лапу на революционные достижения пролетариата» [200].

В таком же духе была выдержана декларация Полуостровного комитета ФАИ по поводу возобновления работы парламента в Барселоне в феврале 1938 г. Она также начиналась с резких, почти воистинных заявлений: «Правительство пребывало в полном бездействии, будучи ошеломлено неожиданным страшным ударом революции. Теперь правительство вышло из своего транса и мало-помалу пошло по реакционному пути, понемногу возвращая свою лапу, и уже добилось возможности командовать и управлять... В своей заботе о тотализации страны правительство начинает слишком уж походить на врага народа, забывая, что... это народ... сделал все как для революции, так и для создания новой Испании, и теперь у этого же народа хотят отнять все это». Признавая, что революция переживает «трагический момент», комитет ФАИ утверждал, что анархисты устояли после «травли» с мая 1937 г., выдержав нападки, прежде всего со стороны компартии, которая употребляла «для достижения своих гнусных целей любое оружие, не гнушаясь никакими способами и не слушая ни разума, ни увещаний». Лидеры Федерации грозно заявляли, что «народ имеет еще свою силу, могущую противостоять напору правительства», но тут же отступали назад, к примирительному тону: «...С коммунистической партией или с кем-либо другим мы готовы сотрудничать, но на честных началах, и честно бороться с нашим общим врагом, идя до конца рука об руку, как это делали с июльских дней с открытыми картами и честно поднятым забралом» [201].

Попытки создания синдикального сектора в экономике. Пакт между НКТ и ВСТ

В январе 1938 г. в Валенсии состоялся Национальный экономический конгресс НКТ. В нем приняли участие 273 делегации с правом голоса, представлявшие 1,7 млн. членов НКТ в тылу, а также 694 наблюдателя от всех национальных отраслевых федераций, районных комитетов федераций и отраслей [202]. Согласно заявлению генерального секретаря

организации Мариано Васкеса, в задачи форума входили «централизация нашей экономики, экономики трудящихся, с тем чтобы ввести ее в рациональное русло; планирование отраслей промышленности <...>; решение весьма тяжелой проблемы сохранения в нынешних условиях производства, не рабоботающего на нужды войны; установление общих норм труда, которые будут окончательно регулировать права и обязанности рабочего» и т.д. [203]. Он говорил о роли Конфедерации в деле спасения республики и о ее заслугах в войне, напомнив: «Не забывайте, товарищи, что сейчас не капиталистическая война, а революция» [204]. Руководство НКТ стремилось в первую очередь добиться роста производства испанской экономики и производительности труда ради нужд ведения войны с франкистами, даже за счет «непосредственного благосостояния производителей» [205]. Однако эти планы нередко встречали сопротивление со стороны трудящихся. Революционный энтузиазм первых месяцев прошел, многие рабочие, не дожидаясь ожидаемого улучшения жизни, уже не ощущали, что они строят новое общество, и не отождествляли себя с республиканским режимом. Соответственно все больше распространялись уклонение от труда, опоздания, симуляции болезни, саботаж и замедление темпов работы [206]. Лидеры НКТ были весьма обеспокоены этими явлениями: во-первых, они мешали успешному ведению войны (а именно эту задачу руководство Конфедерации выдвигало на первый план), во-вторых, по их утверждению, наносили удар по представлениям о способности трудящихся управлять производством.

До какой степени руководители испанского движения подчиняли социальные задачи интересам производства, свидетельствовали статьи в либертарной прессе. Так, валенсийская газета «Ла Фрагуа социаль» вполне в большевистском духе призывала 28 сентября 1937 г. к установлению «экономической диктатуры, чтобы сдержать всех эгоистов», покончить с «эгоистическими и несознательными амбициями» и предотвратить «крах пролетарской экономики» [207].

«Коллективизация ради коллективизации не имеет никакой ценности, — утверждала та же газета 1 октября 1937 г. — Она — лишь форма предприятия, которая так упрощает его капитал, что вместо концентрации в руках одного человека он распределяется между всеми, хотя и находится в общей кассе». Печать резко критиковала за «эгоизм» коллективы в промышленности и сельском хозяйстве, которые пытались использовать полученные средства в интересах увеличения потребления [208].

Отказавшись от «тотальной революции» и пойдя на компромисс с Народным фронтом, НКТ вынуждена была согласиться и на отход от полной социализации и коллективизации экономики, при этом, по меньшей мере на время, «смешанный режим». «Необходимо учитывать три вещи, — заявлял Мариано Васкес на пленуме в Валенсии. — Прежде всего, не вся экономика страны находится в руках НКТ; далее — что имеются целые отраслевые федерации, которые все еще зависят от хозяев и предприятий; и, наконец, что наряду с НКТ существует еще одна организация, с которой следует считаться в структуре испанской экономики», — ВСТ [209]. В этих условиях НКТ взяла курс на создание и развитие «экономики Конфедерации», то есть сектора хозяйства, находившегося под ее контролем. Воздержавшись от революции в масштабе общества в целом, синдикалисты пытались усовершенствовать работу той части экономики, которая, как они полагали, находится в их руках, надеясь использовать и расширить ее после войны. На конгрессе было решено, что

Экономический совет НКТ и экономические советы, организуемые региональными, зональными и местными организациями НКТ, «должны осуществить централизацию конфедеральной экономики и добиться... административной концентрации экономики в руках трудящихся, с тем чтобы охватить не только те экономические единицы, которые полностью сформированы трудящимися НКТ, но и те, где они составляют всего лишь часть» [210].

Конгресс категорически высказался за планируемую экономику. В резолюции подчеркивалось, что полномасштабное планирование будет возможно только в рамках экономики в целом, для чего необходимо создать «Национальный экономический совет» имеющий официальный статус и созданный на смешанной, государственно-синдикальной основе при эффективном большинстве и равном представительстве обоих профцентров» — НКТ и ВСТ. Не дожидаясь создания такого органа, НКТ приступила к организации управления своим сектором экономики [211].

Созданная структура функционировала следующим образом.

«...Централизация осуществляется и контролируется одновременно двумя различными структурами, деятельность которых дополняет друг друга: национальными отраслевыми федерациями, служащими общенациональным выражением отрасли с проекцией их организации соответственно на уровне региона, зоны, кантона, местности, подразделения отрасли, ее секции и производственного центра, — и экономическими советами Конфедерации». Профсоюзы и экономические единицы создавали свои технико-административные и статистические советы, координировавшие свою деятельность с экономическими советами Конфедерации, которые «занимаются федералистской концентрацией [усилий] на местном, кантональном, зональном и региональном уровне». Национальный экономический совет НКТ получил поручение разработать и подготавливать к осуществлению «широкий проект или программу планирования всей конфедеральной экономики. Это была бы в некотором роде частичная реализация интегральных представлений об общенациональном экономическом планировании». Целями такого планирования должны были быть «максимальное увеличение производства и его совершенствование, сокращение себестоимости, упрощение или устранение промежуточных инстанций, снижение цен на предметы потребления, уменьшение дороговизны, повышение ее уровня жизни, ликвидация безработицы и ее причин». При этом предполагалось обращать особое внимание на использование отечественного сырья и материалов и возможную замену ими импортированных [212].

Возглавляющий хозяйственную структуру НКТ Экономический совет Конфедерации должен был собираться на пленарные заседания два раза в месяц, но мог также проводить внеочередные заседания. Для текущей работы образовывалась постоянная комиссия, которая заседала три раза в неделю под председательством генерального секретаря Совета. Создавались также специальные комиссии для обсуждения отдельных вопросов и подготовки соответствующих докладов для пленарных заседаний. В эти комиссии должны были входить по девять членов Совета, включая генерального секретаря Совета. Функции бюро пленарных заседаний Совета передавались по очереди каждой из национальных отраслевых федераций; они сами распределяли среди представителей своих отраслей

обязанности председателя и секретарей пленарного заседания. Пленум Совета должен был заслушивать также отчеты региональных экономических советов НКТ. Именно он и имел полномочия принимать решения. «Решения Экономического совета Конфедерации имеют характер постановлений. Его регламент определяет, каким образом, когда и как принятые Советом резолюции могут быть отменены» [213].

Экономическому совету Конфедерации было поручено в течение четырех месяцев разработать план хозяйственного развития. Его цели состояли в том, чтобы увеличить экономический потенциал и «подготовить экономическое урегулирование, которое будет благоприятствовать часу нашего торжества». Особое внимание предстояло обратить на отрасли, обреченные на преобразование или исчезновение с учетом новых (некапиталистических) целей и потребностей экономики, с тем чтобы избежать безработицы. Региональные отраслевые федерации и региональные федерации НКТ должны были немедленно приступить к планированию и координации хозяйственной деятельности на соответствующем уровне [214].

В соответствии с решениями конгресса устанавливались и фиксировались права (вознаграждение) и обязанности работника (трудовые нормы). Согласно резолюции, предложенной делегатами федераций земледельцев Арагона, Наварры и Риохи, транспортников Каталонии, работников химической промышленности Леванта, хлопчатобумажной промышленности Центра и национальной федерации работников здравоохранения и принятой 516 голосами при 120 против и 82 воздержавшихся, отраслевые федерации должны были, по предложению синдикатов, организовать кадры технических делегатов, в обязанности которых входило бы инспектирование и «ориентирование» предприятий, находящихся под их контролем. Инспекторам надлежало разработать предложения о санкциях против отдельных работников и органов, не исполняющих свои обязанности. Решения о наложении таких санкций должны были приниматься организацией²¹⁵. По существу, речь шла о создании характерного для капиталистического индустриального производства института нормировщиков.

Дискуссии о формах распределения и вознаграждения за труд выявили разногласия и теоретические расхождения в НКТ. На конгресс было представлено два противоположных проекта. Один предлагал сохранить унаследованную от капитализма систему иерархии оплаты труда в зависимости от профессии и выработки. В другом рекомендовалось внедрить посемейную оплату, в принципе равную для всех, хотя и допускающую некоторую дифференциацию с учетом профессиональных и региональных особенностей, различной ответственности, необходимости технических усовершенствований и т.д.²¹⁶ В итоге был разработан компромиссный вариант, внесенный местной федерацией синдикатов Оспиталета в Каталонии и региональными комитетами НКТ Центра, Арагона, Леванта и Андалусии; его приняли единогласно. В этой резолюции делегаты конгресса в принципе высказались за посемейную оплату как более справедливую и соответствующую идеологии НКТ, но, учитывая отсутствие «возможности установить другой способ оплаты труда», «временно» (вплоть до «полного исчезновения» различий в зарплате в будущем) ввели следующую систему. Было определено пять зарплатных категорий, причем зарплата руководителя могла в два раза превышать зарплату работника рядовой категории. К этому добавлялись посемейные выплаты (по количеству членов семьи) из специальных «касс

семейной компенсации», образованых всеми предприятиями данной местности. Размеры взносов предприятий в эти кассы должны были определяться пленумами отраслевых федераций [217].

С тем чтобы сконцентрировать экономические силы синдикатов и профсоюзного сектора экономики, конгресс постановил (581 голосом против 60 при 74 воздержавшихся) образовать Иберийский синдикальный банк. В нем должны были на равных участвовать оба профцентра — НКТ и ВСТ. Была образована комиссия, в задачи которой входили разработка устава банка и определение размеров взносов местных федераций. В нее вошли секретари Национального комитета НКТ и его экономической секции, делегаты от национальной федерации трудящихся банков и страховой отрасли и региональных конфедераций НКТ [218]. Газета НКТ «Солидарidad obrera» 22 января 1938 г. подчеркивала, что этот банк «будет не копией буржуазных институтов монополии и спекуляции, а источником экономической мощи для всех полезных инициатив...». Иными словами, банк предназначался, в первую очередь, для финансирования проектов и начинаний в рамках синдикального сектора экономики [219].

Помимо банка, НКТ постановила создать систему социального страхования, хотя и оговорила, что при либертарном коммунизме она не будет иметь никакого смысла. Соответствующий проект был подготовлен национальными федерациями работников банков, страхования, сберкасс и подобных учреждений и работников здравоохранения, а также местными федерациями синдикатов Бардалоны, Барселоны, Валенсии и Мадрида [220].

По предложению делегатов от местных федераций синдикатов Валенсии, Мадрида, Барселоны и Сабаделя, а также федерации крестьян Леванта, конгресс принял решение об организации потребительских кооперативов. Это должно было обеспечить более равномерное распределение, позволить избавиться от торговцев и посредников и подготовить социализацию распределения. Поскольку республиканское законодательство не признавало такие кооперативы и возвратить их имущество бывшим собственникам, которые получали признание в качестве антифашистов, то большое внимание уделялось проблеме легализации кооперативов. Поэтому они должны были действовать в качестве «синдикатов распределения» НКТ и работать в тесном контакте с отраслевыми федерациями [221]. Различные экономические и синдикальные органы НКТ разрабатывали и другие предложения, представленные на национальный пленум региональных организаций в Барселоне в июле 1938 г. Они касались организации конфедеральной сети магазинов и распределения, включения женщин в производственную деятельность в промышленности, сельском хозяйстве и т.д. [222].

Характерно, что помимо экономических резолюций, конгресс утвердил решение, направленное против внутренней оппозиции в НКТ. Оно касалось сокращения числа печатных изданий Конфедерации и мотивировалось не только нехваткой бумаги и распылением сил, но и пожеланием, «чтобы все наши органы были на должной высоте и правильно отражали линию нашей организации» [223].

Лидеры НКТ активизировали усилия по достижению соглашения с ВСТ, надеясь таким путем вновь получить доступ к государственной власти. Переговоры продвигались

медленно и без большого успеха. Однако 6 февраля 1938 г. Исполнительная комиссия ВСТ приняла проект «Основы для обсуждения с НКТ программы действий». Он стал в известной мере ответом на предложения, выдвинутые НКТ в июне 1937 г. Речь шла о создании Комитета по связям между ВСТ и НКТ и согласовании программы совместных действий. Социалистический профцентр предлагал, чтобы обе организации приветствовали прогресс в деле создания республиканской армии и обязались оказывать правительству и Военному комиссариату максимальную помощь в ее укреплении, пополнении и снабжении. В области экономики упор был сделан на увеличение производства, сохранении «твердого и дисциплинированного» тыла и внушении трудящимся духа «самоотречения и готовности пойти на жертвы», а также «бдительности в отношении всякого рода саботажа и пассивности в труде». Все предприятия подлежали адаптации к нуждам военной промышленности, а сырьевые ресурсы — централизации в руках государства. ВСТ ратовал за милитаризацию и централизацию всех транспортных средств, за национализацию железных дорог. Предполагалась также централизация, а затем и национализация банков, введение государственного контроля над импортом продуктов. Ключевые отрасли промышленности подлежали национализации; они должны были централизованно управляться правительственными чиновниками с «учетом мнения рабочих». Высшему совету экономики и советам отраслей с участием представителей профсоюзов надлежало регулировать производство, цены, зарплату и сбыт, «всегда в согласии с директивами правительства». Государству предстояло издать закон о рабочем контроле как «одном из важнейших завоеваний трудящихся». Планировались национализация государства мятежников в городах и муниципализация городских служб. В сфере сельского хозяйства ВСТ предложил, чтобы оба профобъединения приветствовали «прогресс» в аграрной политике правительства и сделали упор на увеличение сельскохозяйственного производства, национализацию и индустриализацию земли. Социалистический профцентр отстаивал право на индивидуальную земельную собственность и индивидуальное землепользование, но признавал и необходимость поощрять развитие сельскохозяйственных кооперативов. При этом он добивался, чтобы последние строго подчинялись правительственному законодательству и постепенно были укрупнены. В области распределения ВСТ защищал принцип:

«за большую и лучшую производительность — большее вознаграждение». Он призывал к борьбе со спекулянтами, организации кооперативов под государственным контролем, установлению минимально гарантированного уровня зарплаты и пересмотр социального законодательства с тем, чтобы включить в него «завоевания трудящихся» [224].

Опубликованный 10 февраля 1938 г. план ВСТ предусматривал, по сути, установление режима военного государственного капитализма. В соответствии с ним НКТ предстояло отказаться от какого-либо реального влияния на политику и экономику страны, все руководство которыми сосредоточивалось в руках государства. Не удивительно, что лидеры НКТ сочли предложенную программу «далекой от революционных тенденций» и слишком «согласованной с желаниями и программой правительства». Они отклонили проект, одновременно дав понять, что по-прежнему готовы «идти на жертвы», но твердо требуют «участия синдикалистских организаций в правительстве» [225].

12 февраля 1938 г. Национальный комитет утвердил ответ на предложения ВСТ. Приветствуя инициативу социалистического профцентра, он призвал расширить ее и оформить «объединение действий» обеих организаций. Преамбула проекта включала в себя не только создание Национального комитета связей, но и «эффективное включение пролетариата в управление Испанским государством», а также обязательство ВСТ и НКТ «защищать социальный режим подлинной демократии, борясь с любым тоталитарным притязанием классового или партийного характера». Ответные предложения Конфедерации включали в себя серьезные отступления от анархо-синдикалистской доктрины. Так, НКТ соглашалась с укреплением Народной армии, хотя ссылаясь на то, что «нет правил, не допускающих ошибок», и настаивала на представительстве профсоюзов в Военном комиссариате и Подсекретариате по военной промышленности. Она готова была принять милитаризацию транспорта и его переход под правительственный контроль, поддержала лозунги национализации военной промышленности, шахт, железных дорог, тяжелой промышленности, банков, телефонной связи, телеграфа и авиасообщения. Разработку плана хозяйственного развития и руководство производством, распределением, кредитом, вознаграждением и оптовой торговлей предполагалось возложить на Национальный экономический совет и Национальные советы по отраслям — органы, создаваемые государством с участием представителей профсоюзов. Должно было быть принято также законодательство об иностранных предприятиях в Испании, направленное на постепенный пересмотр контрактов. В сельском хозяйстве НКТ давала согласие на национализацию земли и недр и индустриализацию сельского хозяйства, причем синдикаты НКТ и ВСТ должны были получить предпочтительное, право пользования землей, а государство — предоставлять кредиты и техническую помощь организуемым ими коллективам. НКТ призывала признать право индивидуального землепользования только для тех крестьян, которые обрабатывают свои участки собственным трудом, без применения наемного труда. Она предлагала ВСТ совместно выступать в защиту коллективизации в тех отраслях экономики, которые не подлежали национализации, добиваться расширения этой практики и юридического и законодательного признания коллективов. Последние должны были получить возможность создать «собственную экономику <...>, адаптированную к официальным предписаниям через посредство налогов». Признанию и поощрению подлежали также потребительские кооперативы, которые НКТ рассматривала как «несовершенную форму коллективизации». Жилой фонд, общественные службы, санитарное дело и социальную помощь предполагалось муниципализировать. В предложении был включен пункт о введении монополии на внешнюю торговлю: Национальный экономический совет должен был образовать центры по торговле с участием трудящихся. В области социальной политики НКТ выступала за пересмотр законодательства, с тем чтобы в нем «были отражены достижения революции» и аннулированы все остатки прежнего законодательства, «ведущие к возвращению угнетающих классов». Так, предлагалось принять законы о рабочем контроле на предприятиях, которые бы «не управлялись непосредственно трудящимися», о социальном страховании от несчастных случаев, от болезней и по старости. При этом должно было поощряться создание профсоюзных органов социального страхования, а представители НКТ и ВСТ включались бы в «Смешанный национальный совет» для разработки мер в области образования.

Ориентиры и стремления лидеров НКТ были отражены в призыве отменить все имеющееся «гражданское, уголовное, коммерческое и иное законодательство и открыть... возможности

для но вого учредительного периода, который сможет слить воедино все чаяния народа посредством социалистической республики, которая будет демократической и федеративной».

Наибольшее практическое значение имели, однако, требования о представительстве обоих профцентров, «пропорционально их силам», в «административном управлении страной» и всех упомянутых в предложении органах, в Народном антифашистском фронте и правительстве Республики. В предложения были включены также призывы немедленно восстановить свободу слова и печати, «в той мере, в какой это не может повредить ходу войны», и осудить всех политических заключенных-антифашистов. 226.15 февраля Национальный комитет НКТ распространил свои контрпредложения, которым выразили сочувствие самые различные силы, включая коммунистов. Комиссия ВСТ выразила готовность договориться и приняла призыв Национального комитета НКТ к проведению переговоров на уровне исполнительных органов обоих профобъединений. Такая встреча состоялась не сразу, и синдикалисты обвиняли социалистов в затягивании [227].

Характерно, что даже уступки со стороны лидеров НКТ пока зались социал-демократическому руководству ВСТ недостаточными. В архиве Профинтерна сохранился текст ответа НКТ на предложения социалистического профцентра с пометками и комментариями ВСТ. Из этих пометок явствует, какие именно предложения и пункты встретили возражения социалистов. Прежде всего, они предложили вычеркнуть из будущего соглашения всякие упоминания о «социалистической», «демократической и федеративной» республике и «доктринальные» положения (к примеру, о том, что нет «безошибочных» правительств). Неприемлемы оказались положение о выплате «посемейной компенсации» трудящимся, призывы отменить старое законодательство так, чтобы это исключило возможность «возвращения угнетателем классов». Повсюду, где в предложениях НКТ говорилось о создании смешанных, государственно-профсоюзных органов, ВСТ требовал подчеркнуть и усилить роль государства в их формировании, сводя роль профсоюзов к простому участию. Пункты о военной сфере и национализации промышленности подлежали «гармонизации» с проектом ВСТ, в отношении коллективизации в промышленности и сельском хозяйстве представители социалистического профцентра сделали оговорку: необходимо подчеркнуть, «что правительство издаст законы по проблеме коллективизации». Особые сомнения у социалистов вызвали те строки в ответе НКТ, в которых делался упор на развитие коллективов в сельском хозяйстве и отмечалось, что индивидуально обрабатывать землю можно лишь своими силами и без применения наемного труда. Они потребовали «признать проблему» «аграрной, городской, торговой... мелкой собственности». Формулировку «монополия внешней торговли» предлагалось заменить на «контроль над внешней торговлей» и т.д. Наконец, были особо выделены строки, касавшиеся представительства профсоюзов в правительстве, восстановления свободы печати и слова, освобождения политзаключенных [228].

Тем не менее позиции лидеров обоих профцентров были теперь близки, как никогда прежде. В конечном счете была организована «историческая встреча» лидеров обеих сторон, в которой от НКТ приняли участие генеральный секретарь Мариано Васкес, О. Прието и Ф. Монтсени, а от ВСТ — Эдмундо Домингес, Сесар Ломбардиа и Амаро дель Росаль.

Они изучили проекты основы для переговоров, представленные обоими рабочими объединениями, и выработали методику последующих дискуссий. Участники направили приветствие испанскому пролетариату и бойцам Народной армии [229].

В ходе последующих переговоров представители Национального комитета НКТ и Исполнительной комиссии ВСТ договорились о нормах сотрудничества. Оба профобъединения отказывались от «любых критических высказываний и нападок» по отношению друг к другу и обязались изучать «доктринальные различия» в установках сторон всегда объективно и «в сердечных фразах», а также не переманивать членов друг у друга. Значительная часть договоренностей касалась сотрудничества в подавлении оппозиции в рабочем движении против руководства НКТ и ВСТ. Так, лидеры обязались не признавать «синдикальные рабочие организации, созданные вне рамок дисциплины НКТ и ВСТ», не принимать в свои объединения членов и синдикаты, вышедшие или исключенные из другого профцентра. Они обязались принимать «синдикальные санкции» по отношению к отдельным членам и к рабочим союзам, которые «систематически отказывались» выполнять решения, одобренные обоими профцентрами.

Было решено образовать Национальный комитет по связям, в который вошло по три представителя от каждого из профобъединений. Он должен был собираться раз в неделю и обсуждать пути осуществления программы совместных действий и другие формы сотрудничества, разбирать конфликты и предлагать санкции для нарушителей договоренностей [230]. Аналогичные комитеты по связям были образованы также в отдельных отраслях экономики в Каталонии, в провинциях, населенных пунктах и на рабочих местах [231]. В окончательном тексте пакта о единстве действий испанская анархо-синдикалистская организация отступала от многих ключевых принципов анархизма. Вместе с ВСТ она приветствовала «крупные успехи, достигнутые в формировании Народной армии», обязывалась содействовать «дальнейшему совершенствованию регулярной армии», обеспечить «реальную демократию во всех сферах организации войны и военного действия» и «всеми силами сотрудничать с действиями правительства». Тем самым НКТ официально отказывалась от идеи народной «милиции». Она признавала принцип государственного контроля над значительными секторами испанской экономики, соглашаясь с централизацией и милитаризацией в руках государства транспорта и промышленности, работающей на военные нужды. Национализации и централизованному управлению подлежали шахты, железные дороги, тяжелая промышленность, авиасообщение, банки и «другие отрасли, необходимые для национальной реконструкции». Вместо социализации, синдикалисты соглашались теперь на разрешенный государством рабочий контроль. «Правительство должно обнародовать закон о рабочем контроле, в котором будут зафиксированы полномочия рабочих в области контроля над производством и наблюдения за его производительностью, условия вмешательства в управление и использование прибылей, наконец, условия труда рабочих и защита социального законодательства». План предполагал поощрение создания мощных производственных кооперативов и образование крупных центров торговли и экспорта «под строгим контролем государства».

В области сельского хозяйства НКТ признавала государственный контроль над аграрными коллективами. В пакте предусматривалась их «юридическая легализация», в рамках

которой надлежало определить, «какие из них должны сохраниться, и определить нормы их устройства, функционирования и государственного вмешательства». Синдикалисты соглашались на то, что не подчиняющиеся этому коллективы «должны исчезнуть», и взамен довольствовались обещанием: «Государство придет на помощь коллективам, которые подчинятся этому законодательству». При этом коллективы, созданные ВСТ и НКТ, должны были получить предпочтение. В принципе обе организации высказывались за скорейшую национализацию земли с предоставлением ее в пользование кооперативам и коллективам при полном соблюдении прав тех, кто предпочитает обрабатывать землю индивидуально и имеет на это законные основания.

В том, что касается распределения, то НКТ соглашалась на отход от анархо-коммунистических принципов. Оба профобъединения выступали теперь за «установление минимального уровня заработной платы в соответствии со стоимостью жизни» и за соблюдение в промышленности принципа «за большее производство — большее вознаграждение», по крайней мере — «пока сохраняются обстоятельства, вызванные необходимостью национальной реконструкции». Пакт оговаривал, что правительство должно «изучить систему семейной оплаты, примененной по закону».

Что касается будущего, то НКТ и социалистический профцентр ограничились осторожным и общим пожеланием: «Обе организации дают друг другу взаимные гарантии того, что по окончании борьбы против фашизма будет уважаться право испанского народа, и в особенности рабочего класса, создать такое правительство, форма которого будет адекватна жертвам, приносимым им сегодня, и потребности поддерживать в нашей стране подлинную демократию».

Наконец, в том, что касается участия рабочих союзов в правительстве Республики и его органах, НКТ также пришлось умерить свои притязания на пропорциональное представительство. ВСТ заявил, что вполне удовлетворен тем, как представляют его интересы Социалистическая и Коммунистическая партии. В то же время, лидеры социалистического профцентра объявили, что не видят «препятствий для включения НКТ в осуществление правительственных функций». Окончательное решение вопроса подлежало решению со стороны «конституционных властей страны и политических партий, образующих Народный фронт». Оба объединения обещали изучить возможность скорейшего вступления в состав Народного фронта [232].

Представители НКТ и ВСТ приняли 12 марта 1938 г. обращение «К трудящемуся классу и к испанскому народу», сообщив о том, что обе организации, «перед лицом войны со всеми ее требованиями» и в связи с необходимостью «восстановить экономику страны, пришли к соглашению о совместных действиях». Они призывали к сплоченной «защите независимости Испании, прав пролетариата и свободы человека». «Спасение только в нас самих. Если спасем Испанию — спасем себя, подав колеблющейся демократии пример нашей стойкости, энергии и энтузиазма» — провозглашались в декларации. Со стороны НКТ ее подписали генеральный секретарь Мариано Васкес, его заместитель Гало Диес, казначей Исидор Санчо, счетовод Мариано Эстрада, а также Марио Ройо, Педро Санчес, Валерио Лаборда, Рафаэль Иньиго, Мануэль Ларес, Орасио Прието, Мануэль Баэу, Делио Альварес, Х.Р. Ортис, Федерика Монтсени, Х. Катранья, С. Алиага, Х. Консуэгра и Х. Арналь-да-233. Обосновывая

согласие НКТ с одобренной программой, Васкес заявил по радио: «Программа эта взяла за основу все непосредственные пожелания пролетариата, в первую очередь — национальную оборону...»²³⁴ В марте 1938 г. было утверждено решение о вступлении НКТ, ВСТ и ФАИ в Национальный народный фронт и о реорганизации правительства Республики [235].

Обострение разногласий в руководстве НКТ и ФАИ

В течение 1938 г. в испанском либертарном движении усиливались разногласия на фоне все более ухудшавшейся военной и политической ситуации. Сражения зимой 1937/1938 г. у Теруэля после первоначальных успехов закончились поражением республиканцев. Перешедшие в контрнаступление армии генерала Франко весной 1938 г. захватили Арагон и прорвались к Средиземному морю. Территория Республики оказалась рассечена на две части — Каталонию и Центральную зону, включавшую Мадрид и Валенсию. Стало ясно, что франкисты выигрывают войну.

«Уступки, вызванные обстоятельствами» по-прежнему оставались консенсусом для подавляющего большинства руководства НКТ—ФАИ. Однако и здесь наметились расхождения.

В кругах Национального комитета НКТ во главе с занимавшим пост генерального секретаря Мариано Васкесом и «теневым» лидером О.Прието усиливалось стремление к пересмотру ряда основных концепций анархо-синдикализма в сторону социал-демократических моделей «демократии трудящихся» и «смешанной экономики», к превращению ФАИ в политическую партию, возглавляющую профсоюз НКТ [236].

Так, в связи с началом издания в Барселоне газеты «СНТ» в 1938 г., Национальный комитет НКТ выпустил документ, в котором наметил линии ориентации для либертарной печати и в то же время разъяснил свою официальную линию. В нем ничего не говорилось ни о социальной революции, ни о либертарном коммунизме, но отмечалось, что с 19 июля 1936 г. организация неизменно шла курсом «единства, ответственности, реальной демократии, независимости, социального освобождения, отстаивания коллективных интересов, жертв». Она выдвинула на первый план «полное содействие борьбе против фашизма». В заявлении говорилось, правда, что война и революция «неразделимы», но в то же самое время акценты переносились на демократические и национально-патриотические моменты. Такая борьба предполагает, указывал Национальный комитет, «защиту территориальной, моральной и социальной целостности Испании: ее обычаев, ее темперамента, ее психологии». Независимость должна «позволить нашему народу развивать свой самобытный гений и спасти свою естественную судьбу и свою историческую эволюцию во всех сферах».

В тексте руководства НКТ речь шла не о революции, а о защите демократии. Комитет заявил, что НКТ и ее пресса должны стать оплотом «подлинной демократии», «демократии, исходящей от народа», «демократии трудящихся», «действительно народного режима». В связи с этим выдвигались следующие задачи: «защита рабочего класса», отказ от любого

паразитизма и изменение политической, экономической и социальной ситуации в интересах рабочего класса; «единство действия» профсоюзных организаций, имеющих миссию «постепенно создать новый порядок экономической и социальной жизни народа»; сохранение и укрепление «единства действий между антифашистскими партиями и организациями» в рамках «Народного антифашистского фронта»; «сохранение престижа и авторитета правительства, которое представляет всех антифашистов и действительно воплощает в себе единство тех, кто ведет борьбу»; борьба с любым тоталитаризмом, откуда бы он ни исходил, как с противоречащим «народному духу Свободной Испании» [237].

О. Прието развил свои представления в серии статей, опубликованных в августе 1938 г. в журнале «Тимон». Он исходил из того, что анархистское общественное устройство — это достаточно далекая перспектива, и на пути к нему необходима долгая переходная эпоха. В этот период возможны либертарные эксперименты и преобразования, но одновременно анархистам следует участвовать в процессах принятия решений, во власти, занимать государственные, правительственные и парламентские посты. Речь шла уже не о шагах, вынужденных «обстоятельствами», но об осознанном политическом курсе. «В другое время мы были обязаны вести борьбу с капитализмом и государством, и по этой причине мы были непреклонно аполитичны, — писал О. Прието. — Сегодня же наш долг — руководить государством и придать ему моральный характер, и по этой причине мы должны стать столь же непреклонно политическими». Роль политической партии, по его мысли, надлежало играть ФАИ [238].

Большинство ведущих деятелей Полуостровного комитета ФАИ по-прежнему утверждало, что ни на шаг не отступает от традиционных анархо-синдикалистских идей и вернется к их осуществлению после победоносного окончания войны. «Нам не нужно ни чего исправлять ни в великолепном строении доктрины, которую мы подняли как свое знамя, ни в тактических методах, которые мы всегда провозглашали, — отвечал Абад де Сантьян на страницах «Тимон». — Сегодня мы ограничимся тем, что заявим: если бы наше мнение имело хоть что-нибудь в малейшей степени общее с мнением Прието, мы считали бы себя стоящими в стороне от политического курса НКТ и ФАИ» [239].

Как лидеры ФАИ, так и многие ведущие активисты НКТ полагают, что не следует отступать дальше, либо что движение зашло по этому пути уже слишком далеко. Они решительно возражали против планов О. Прието по превращению ФАИ в партию. Среди этих лидеров были бывшие министры Абад де Сантьян, Пейро, Монтсени, генеральный секретарь ФАИ португалец Жерминал ди Соуза, Федерико Оканьо и другие, выступившие с критикой на страницах таких влиятельных либертарных изданий, как «Тьерра и либертад», «Тимон», «Тьемпос нуэвос». «Удаление на время со всех руководящих постов было бы для многих из них превосходным лечением и восхитительным лекарством, — писал, например, Абад де Сантьян в журнале «Тимон» в декабре 1938 г. о сторонниках занятия постов. — В траншеях или на фабриках, в повседневной работе... мы вновь обрели бы нашу подлинную личность и увидели бы вещи как они есть» [240].

Несмотря на внутренние споры о масштабах и пределах уступок властям, руководящие круги движения до конца гражданской войны оставались заложниками логики «антифашистского единства» и «меньшего зла».

1 апреля 1938 г. Полуостровной комитет ФАИ в изданном им циркуляре потребовал включить НКТ и ФАИ в Народный фронт и немедленно ввести представителей НКТ в правительство. 6 апреля НКТ получила в кабинете министров второстепенный пост министра образования и здравоохранения; его занял Сегундо Блан ко. Характерно, что сам премьер-министр выбрал его из списка кандидатов, предложенных НКТ (в него включены были также имена О. Прието и Гарсиа Оливера)²⁴¹. Позднее ФАИ была принята в состав Народного фронта. Лидеры либертарного движения стремились после заключения пакта между НКТ и ВСТ добиться возобновления сотрудничества с правительством и провести в то же время централизацию собственного течения. На региональном каталонском пленуме синдикатов, анархистских и молодежных либертарных групп в Барселоне, по предложению Гарсиа Оливера, 2 апреля было принято решение об образовании Исполнительного комитета либертарного движения Каталонии. Его программа включала все основные положения линии «антифашистского сотрудничества»: интенсификацию войны, согласие с милитаризацией, преследование дезертиров, смутьянов и саботажников, поддержку только тех законных, чья невиновность доказана; наконец, участие в правительстве и во всех иных политических и административных органах. Комитет получал право исключать отдельных лиц, группы, синдикаты и даже целые федерации. Он имел полномочия, беспрецедентные в истории анархизма — руководить всеми направлениями деятельности движения: экономикой, военными подразделениями и печатью. В состав комитета были включены такие авторитетные активисты, как представитель ФИХЛ Фидель Миро, избранный секретарем, Франсиско Исглеас, Херминаль Эсглеас и Жозе Шена.

Лидеры НКТ сочли это посягательством на свои интересы. Когда член ФАИ Франсиско Исглеас сообщил о принятых решениях Национальному комитету Конфедерации, О. Прието заявил, что его организация не может признать правомочным создание органа, не санкционированного конгрессом [242].

Давно назревавшие расхождения между лидерами ФАИ и НКТ выступили на поверхность. Это проявилось в демонстративно разных оценках политики правительства Негрина. В апреле 1938 г. кабинет министров постановил подчинить государственному контролю электроснабжение в Каталонии. Органы рабочего самоуправления и контроля и вся структура Объединенных электрических служб распускались, и создавался Генеральный комиссариат по электричеству. Занять пост комиссара было предложено члену НКТ Хуану Пейро, и тот, с санкции Национального комитета Конфедерации, дал согласие. Реформа вызвала негодование многих синдикатов, назвавших ее «контрреволюционной». Полуостровной и Каталонский комитеты ФАИ также протестовали, потребовав от Национального комитета НКТ созыва встречи для обсуждения возникших разногласий. Такая встреча состоялась 11 мая с участием представителей ФАИ (Жерминаля ди Соузы, Педро Эрреры, Мануэля Эскорсы, Хакобо Принсе), ФИХЛ (Лоренсо Иньиго, Серафина Алиаги, Хосе Кабаньяса) и НКТ (Мариано Васкеса, Гало Диеса, Лаборды, Гальего Креспо, Мануэля Лопеса, Хуана Арнальды, Делио Альвареса, Франсиско Исглеаса и Авелино Энгриальго). На ней была разработана резолюция с призывом к единству. Комитетам НКТ, ФАИ и ФИХЛ было рекомендовано не делать заявлений, открыто критикующих деятельность друг друга. Однако ФАИ отказалась признать протокол встречи. Она заявила, что не может согласиться на какой-либо контроль над своей деятельностью [243].

В мае 1938 г. Полуостровной комитет ФАИ выразил недовольство политической декларацией премьер-министра Негрина о целях Народного фронта из 13 пунктов. Его возмущение вызвали положения, направленные на создание в Испании буржуазно-демократического экономического и политического режима, отсутствие упоминания о гарантии революционных завоеваний, признании частной собственности и выплата компенсаций иностранному капиталу. Комитет протестовал против «возвращения к режиму, существовавшему до 19 июля», и заявил, что ФАИ, «свободная от всех этих компромиссов, должна и может продолжать выражать революционные надежды и чаяния анархизма». Напротив, Национальный комитет НКТ взял документ под защиту и отверг «негативные заявления пораженцев» и «пессимистов» [244].

Разногласия выявилась и в самой ФАИ. Каталонский региональный комитет ФАИ (Ж. Шена) и Исполком либертарного движения Каталонии (Ф. Миро) заявили, что в принципе не возражают против программы Народного фронта, но недовольны тем, что при этом не обеспечивается «пропорциональное и демократическое распределение политической власти государства». В поддержку этой позиции выступил и региональный комитет ФАИ Астурии, который после захвата этой области франкистами размещался в Барселоне. Напротив, комитеты Центра и Арагона одобрили позицию Полуостровного комитета [245].

Последовавшая «война циркуляров», по определению Ж. Пейратса, была прекращена в результате проведения 17 мая встречи комитетов при посредничестве ФИХЛ и Исполкома либертарного движения Каталонии. В ней приняли участие Херминаль Эсглеас, Франсиско Исглеас, Гарсиа Оливер (от каталонского Исполкома), Луке, Мариано Васкес, О. Прието (от НКТ), Хосе Кабаньяс, Се-рафин Алиага (от ФИХЛ), Ж. ди Соуза и Хакобо Принсе (от ФАИ). От Федерации потребовали подписать программное заявление Народного фронта. Участники встречи постановили также не выносить конфликт на суд рядовых членов и низовых организаций. В конце концов, пленум региональных комитетов ФАИ счел, что возражения против документа Негрина не могут быть основанием для выхода из фронта. В августе расхождения между лидерами НКТ и ФАИ вновь проявились в связи с правительственным решением об установлении контроля над промышленностью и милитаризации портов. ФАИ назвала эти меры «покушением на свободы и права испанского народа» и призвала все партии и организации протестовать против них; НКТ согласилась с ними [246].

Ведущие активисты ФАИ все более резко атаковали методы ведения военных действий, влияние коммунистов в республиканской армии и советских советников в генштабе и злоупотребления тайной полицией (Службы военной разведки). Соответствующие документы были представлены Полуостровным комитетом Федерации правительству Республики (август 1938 г.) и пленуму региональных комитетов либертарного движения (сентябрь 1938 г.). Анархисты предлагали активизировать военные действия за счет проникновения в тыл противника, создания партизанских отрядов и ведения работы с арабским населением испанских владений в Северной Африке, которые находились под властью франкистов [247]. Лидеры ФАИ пытались добиться отстранения Негрина с поста премьер-министра. Федерика Монтсени, Абад де Сантьян и А.Гарсиа Бирлан встретились в августе даже с президентом Республики Асаньей и призывали его «избавиться от диктатора» [248]. Асанья не долюбивал Негрина, но сослался на поддержку, которой премьер-министр пользуется в парламенте.

Новый пленум региональных комитетов НКТ, ФАИ и ФИХЛ, проходивший в Барселоне с 16 по 30 октября 1938 г., сопровождался острой полемикой и отразил состояние глубокого кризиса, в кагом оказалось либертарное движение Испании. На повестку дня были вынесены следующие вопросы: 1. Оценка курса либертарианцев после 19 июля 1936 г.; 2. Участие в политике «по обстоятельствам» и отношения с другими общественными силами; 3. Форма координации деятельности НКТ, ФАИ и ФИХЛ; 4. Помощь «Либертарной молодежи»; 5. Координация и структуризация «секций по обороне»; 6. Об организациях, примыкающих к либертарному движению. В работе форума приняли участие делегаты анархо-синдикалистов, анархистов и молодых либертарианцев из Каталонии, Леванта, Центрального региона и Андалусии, а также активисты с территорий, уже оказавшихся под властью франкистов. В ходе ожесточенных споров на одном полюсе оказались представители Национального комитета и региональных федераций НКТ из Северного региона (Страны Басков), Астурии и Леванта; на другом находились делегаты Полуостровного комитета ФАИ, а также каталонских региональных комитетов НКТ, ФАИ и «Либертарной молодежи»; остальные занимали промежуточную позицию [249].

Выступивший от имени Северной федерации НКТ О. Прието (в действительности он уже не представлял синдикаты региона, поскольку тот был давно захвачен войсками Франко) с презрением отверг кропоткинские доктрины и объявил, что «действительно решительное действие может осуществляться только через органы власти». Против него немедленно высказались представители региональных комитетов НКТ из Каталонии (Эсглеас) и Андалусии, а также ФАИ Леванта и Каталонии [250].

Генеральный секретарь НКТ М. Васкес публично призвал «вымести прочь наш литературный и философский багаж, чтобы мы могли утвердиться и завтра добиться гегемонии». Он защищал политику Национального комитета НКТ, пакт с ВСГ, политику Негрина и его правительства, включая милитаризацию экономики и подчинение коллективов государству. Васкес обвинил ФАИ в «дон-кихотстве», нежелании участвовать в правительстве, безответственных политических маневрах и измене республике. В поддержку речи Васкеса выступили делегаты всех трех либертарных организаций Центрального региона, но ее резко отверг представитель каталонской НКТ [251].

Со своей стороны, делегаты Полуостровного комитета ФАИ отвечали лидерам Национального комитета НКТ в самых решительных выражениях. Ж. ди Соуза напомнил о том, что «проблема коренится не в инцидентах, происшедших между комитетами», а в глубинном расхождении относительно того, как истолковать «положение движения». Он вновь подверг критике политику коммунистов, а также программу Народного фронта за признание парламентаризма. В вопросах ведения войны ди Соуза защищал партизанскую тактику. Педро Эррера заявил, что необходимо «преградить дорогу тем, кто с пренебрежением относится к нашим принципам»: «если кто-то презирает наши доктрины... — пусть он покинет наши ряды». Комитет анархистской организации не выступал против пакта с ВСГ и сотрудничества с Народным фронтом, но настаивал на «достаточных гарантиях революционной последовательности». Участие в правительстве, повторяли лидеры ФАИ, вызвано обстоятельствами, но анархисты не могут «ни на мгновение забывать о наших подлинных революционных целях».

«Либертарная молодежь» Каталонии обличала «марксистские тезисы» НКТ Северного региона и некоторых других делегатов. Поддержали Полуостровной комитет ФАИ каталонские анархисты. Острые слова были сказаны и в адрес премьер-министра Негрина. Федерика Монтсени обвинила его в абсолютистской диктатуре и пораженчестве, призвав либертарию не занимать посты по его милости [252].

В целом в ходе дискуссии политику Национального комитета НКТ одобрили все делегации, за исключением каталонских НКТ— ФАИ и «Либертарной молодежи» Каталонии. Среди поддержавших верхушку НКТ были также представители ФИХЛ Валенсии и ФАИ Северного региона.

Новые споры вспыхнули при обсуждении вопроса об участии в политике. О. Прието осудил линию, проводимую ФАИ, назвав ее «иезуитской», и заявил: эта организация — «мертвый груз в движе нии <...>; она должна исчезнуть — или превратиться в политичес кую партию». Против такого предложения высказались не только каталонцы, но также ФАИ Андалусии и Валенсии. Васкес конста тировал наличие разногласий между руководящими комитетами НКТ и ФАИ, но предложил, чтобы каждая организация сохраняла свою специфическую роль. Это предложение было отвергнуто. Но конфликт между лидерами профобъединения и анархистской орга низации не помешал им единодушно обрушиться на непокорную

«Либертарную молодежь» Каталонии, которая продолжала возра жать против участия в правительстве. Региональный комитет мо лодечной организации и его газета «Рута» были обвинены в кри тиканстве и недисциплинированности. В направленном против них решении подчеркивалась необходимость «унифицировать» пропа ганду либертарного движения: «Если какой-либо товарищ или ко митет выступает, нанося ущерб интересам движения, он должен быть призван к порядку соответствующей организацией, и после заслушивания аргументов персоны или структуры, о которых идет речь, должны быть приняты соответствующие меры».

В конечном счете пленум подтвердил в целом политику участия «в органах, руководящих политической, экономической жизнью и военной сферой» вследствие «необходимости сотрудничать в борь бе с фашизмом». Однако была сделана оговорка: речь идет не об «изменении тактики» анархизма, а о «вызванном обстоятельстве ми и разумном открытии» других методов действия в «ненормаль ной ситуации». В принципе же заявлялось, что либертарное движе ние вмешивается в политику лишь «в виде исключения», считает «политическую власть, государство» «антитезой анархии» и целью временного и вынужденного «участия во власти» видит организа цию оппозиции против этой власти... в самих ее институтах. Пле нум постановил, что движение должно продолжать участвовать в политике, если так решат пленумы НКТ, ФАИ и ФИХЛ. НКТ было доверено представлять движение в правительстве. Резолюция, до пускающая участие в правительстве, вызвала резкие протесты ка талонских ФАИ и ФИХЛ.

Практическая программа Политических мер, одобренная плену мом, включала проекты реформ парламента, структуры правитель ства, дипломатической службы, юриспруденции и конституцион ной системы.

Участники пленума постановили усилить связи между различными организациями испанского либертарного движения и создать Национальный комитет связи. В решениях пленума указывалось, что члены движения, занимающие общественно значимые посты, должны строго выполнять предписания комитетов; членами Национальных комитетов могли становиться лишь лица, пользующиеся доверием региональных комитетов. Все три анархо-синдикалистские организации движения обязывались не принимать в свой состав лиц, исключенных из другой организации либертарного движения [253].

Историк НКТ Ж. Пейратс называет октябрьский пленум 1938 г. «отчаянной попыткой объединения трех либертарных организаций посредством драконовских соглашений, создания прочных органов координации, принятия единой линии для всех, желания тяжело покарать любое несогласие и демонстрации всем и каждому, что оппортунизм, вызванный обстоятельствами, не вступает в противоречие с анархистскими принципами» [254]. В декабре 1938 г. был создан Комитет связи Испанского либертарного движения (ИЛД). В него вошли М. Васкес и О. Прието от НКТ, ди Соуза и Корбельо от ФАИ, М. Лопес и Алиага от Федерации либертарной молодежи. Региональная конференция НКТ в Каталонии в том же месяце высказалась за участие НКТ в Женералитате, сочтя это «настоятельно необходимым» [255], а делегаты НКТ (М. Васкес, О. Прието) и ФАИ (Абад де Сантьян и П. Эррера) представляли свои организации на встрече Негрина с партиями и движениями Народно-го фронта [256]. Но все это в действительности отнюдь не позволило преодолеть углублявшиеся разногласия. К тому же испанское либертарное движение уже не направляло ход событий — напротив, поток событий нес испанских анархистов. В последующие месяцы — последние месяцы Испанской Республики — противостояние в НКТ—ФАИ свелось уже к выбору между поддержкой правительства Негрина и его курса «сопротивления до конца» (позиция Национального комитета НКТ во главе с М. Васкесом) и стремлением договориться о мирном урегулировании в Испании при британском посредничестве (ориентация лидеров ФАИ) [257]. Оба варианта оказывались для анархистского движения совершенно без надежными.

Вся тактика «откладывания» или «сдерживания» социальной революции ради победы в гражданской войне между буржуазно-республиканским и фашистским лагерем была неблагоприятной даже для судьбы самой войны. Оказалось, что ее нельзя было выиграть как просто обычную либо даже «антифашистскую» войну, ведомую регулярной армией и милитаризованным государством по всем правилам военного искусства. Победить франкизм могли только испанские трудящиеся, полные надежд Июля 1936 г., несущие, как говорил Дурруги, «новый мир в своем сердце» [258] и защищающие свои революционные завоевания. «Мы знали, — признал Абад де Сантьян после поражения, — что невозможно одержать победу, не выиграв войну. Мы пожертвовали революцией, не поняв, что эта жертва несет с собой отказ от подлинных целей войны» [259]. Утратившим революционный энтузиазм массам уже не за что было сражаться. Не случайно в начале 1939 г. дезертирство из республиканской армии приняло массовые масштабы, и наблюдались даже случаи братания между солдатами армии Республики и франкистских войск [260].

Вопреки «обстоятельствам»

Многие исследователи, принадлежащие к марксистскому правлению, пытались возложить на анархо-синдикалистское движение в целом вину за поражение Испанской революции. Они утверждали, будто сотрудничество лидеров НКТ и ФАИ в правительстве явилось следствием анархистской идеологии, отвергающей взятие трудящимися политической власти [261]. Однако подобная точка зрения несостоятельна. Прежде всего, анархистские концепции не только отрицают создание новой, «пролетарской» власти, но и предусматривают ликвидацию старой, чего как раз и не сделали руководители НКТ. В данном случае они действовали не «благодаря» либертарным теориям, а вопреки им. Кроме того, неверно утверждать, будто анархо-синдикалистские массы Испании отказались от осуществления социальной революции только потому, что их «лидеры» призывали приостановить ее развитие. Факты говорят о том, что сотни тысяч рядовых членов НКТ и ФАИ, игравших первоначально роль в организации рабочего и крестьянского самоуправления на производстве, но действовали самостоятельно на уровне предприятия или коммуны, не дожидаясь призывов или распоряжений, в том числе и от комитетов собственной организации. Как отмечали посетившие революционную Испанию французские анархисты А. и Д. Прюдоммо, эти люди рассуждали следующим образом: «...Революция должна создать свои собственные, особые и новые органы...Присутствие членов НКТ и ФАИ в органах правительства — всего лишь компромисс, вынужденный обстоятельствами, временное отступление в революции. Ведь она (революция. — В.Д.) имеет лишь один инструмент — сами массы, организованные на уровне коммуны и цеха» [262].

«Действительно, часто происходило так, что делегаты из провинции, маленьких городов и деревень, утонув в красноречии на ших бесконечных болтунов, одобряли участие в правительстве, потому что были потрясены положением, описанным им в самых мрачных красках. Им не доставало информации и ораторского мастерства, чтобы опровергнуть непроверенные заявления и аргументы, вес которых они были не в состоянии оценить, — писал очевидец Испанской революции, анархист Гастон Левапэ. — Но сразу по возвращении в свои города и деревни они продолжали строить новое общество. Они не чувствовали себя связанными политическими маневрами...» [263].

Именно такое автономное творчество «снизу», независимо от «вождей», а если надо — то и вопреки им, доказало мощь анархистской «идеи-силы».

Помимо такого пассивного (но весьма упорного) сопротивления соглашательскому курсу руководства из толщи анархо-синдикалистской массы, существовало и более активное, осознанное и открытое сопротивление. Данные о нем отрывочны, и систематических исследований организованной оппозиции в НКТ, ФАИ и ФИХЛ до сих пор не существует [264]. Поэтому оценить его реальные масштабы весьма сложно. Суммируя вкратце разрозненную информацию, можно выделить три основных типа такого сопротивления. Во-первых, это противодействие низовых рабочих союзов НКТ политике огосударствления экономической и социальной жизни, отстаивание завоеванного самоуправления. Известно, например, о забастовке, проведенной (несмотря на давление руководства НКТ—ФАИ) в начале 1938 г. союзом работников сферы досуга Барселоны против огосударствления отрасли. Когда правительство Каталонии попыталось, издав декрет от 22 января 1938 г., установить контроль над отраслью зрелищ (кино, театрами, публичными представлениями и развлечениями), изъяв ее из-под управления рабочих союзов, соответствующий синдикат

НКТ в тот же день объявил в Барселоне всеобщую отраслевую забастовку протеста. Правительство распорядилось арестовать руководящий орган синдиката; помещения союза были захвачены полицией. Однако, столкнувшись с энергичным и единодушным протестом трудящихся, власти вынуждены были отменить декрет, выпустить арестованных, освободить помещения и начать переговоры²⁶⁵. В ходе переговоров региональный комитет Каталонии пытался оказать давление на трудящихся и в конце концов передал вопрос на обсуждение исполкома либертарного движения во главе с Гарсиа Оливером. Исполком распорядился согласиться с правительственным проектом, но «можно с уверенностью заключить: рядовые члены пришли к выводу, что региональный и исполнительный комитет работают на Женералитат, а не на них» [266].

К этой же категории можно отнести протесты бойцов анархистских милиций против их милитаризации и растворения в регулярной армии. В результате вызванного этим кризиса Каталонский региональный комитет НКТ вынужден был дать согласие на то, что не желающие подчиниться армейским порядкам бойцы смогут покинуть фронт [267].

Внутри ФАИ существовала сильная оппозиция против реорганизации анархистского движения. Так, на региональном пленуме анархистских групп Каталонии 5—7 августа 1937 г. многие делегаты отказались утвердить планы территориальной перестройки ФАИ, настаивая на сохранении организационной структуры в виде «групп единомышленников» и угрожая расколом в случае, если будут приняты предложения пленума Федерации. Пришлось образовать специальную комиссию, которая выработала компромиссный вариант: прежние группы могли, по желанию, сохраняться, но решения в ФАИ должны были приниматься на основе количества членов в организациях. Окончательное решение предстояло принять следующему Полуостровному конгрессу ФАИ. 14 августа аналогичный конфликт вспыхнул и на пленуме групп Барселоны. Многие делегаты (включая Жозе Пейратса) покинули форум в знак протеста против реорганизации, скандируя: «Вива ла анархия!» («Да здравствует анархия!») [268].

Во-вторых, возник целый ряд анархо-синдикалистских изданий, которые открыто и достаточно резко критиковали «коллабо рационистский» и «соглашательский» курс комитетов НКТ и ФАИ, отвергали свертывание революции под предлогом «антифашистского единства» и сотрудничество в правительстве. Важнейшей из них была газета «Идеас», начавшая выходить 29 декабря 1936 г. Ее издавали местные организации НКТ и ФАИ Нижнего Льобрегата. Редактором газеты был Либерто Кальехас, который ранее являлся директором органа НКТ Каталонии «Солидарidad obrera», но вынужден был покинуть пост из-за несогласия с проправительственной политикой руководства НКТ и ФАИ. «Идеас» стала центром притяжения для всей революционной оппозиции внутри испанского анархо-синдикалистского движения. В ней сотрудничали и выступали с острыми критическими статьями такие известные анархисты, как Хосе Альберола, Фелипе Алаис, Жозе Пейратс, Северино Кампос, Флореаль Оканья, Франсиско Карреньо, Хайме Балиус и др. Среди других оппозиционных анархистских изданий выделялись «Акрасиа» в Лериде (директор — Ж Пейратс), «Сьюдад и кампо» в Торгоса, «Носотрос» в Валенсии, органы каталонской «Либертарной молодежи» (ФИХЛ) «Руга» и «Эсфуэрсо» и газеты группы «Друзья Дурру-ти» («Ла Ноче», а после мая 1937 г. — «Эль Амиго дель пуэбло») [269]. Газеты резко критиковали бюрократизацию испанских либертарных организаций и отрыв их лидеров от массы. «Так называемые вышестоящие комитеты должны быть связаны решениями синдикальных организаций, — напоминала «Идеас» в январе 1937 г. — Синдикаты распоряжаются, а комитеты следят за тем, чтобы распоряжения исполнялись. Вот что такое федерализм, все остальное — это диктатура, и это нельзя терпеть более ни минуты». Ей вторила «Руга», газета каталонской «Либертарной молодежи»: «Все, чего мы можем ожидать от самодостаточных меньшинств, стремящихся утвердиться в роли никогда не ошибающихся руководителей, — это диктатура и угнетение» [270].

Все эти издания с интересом читались рядовыми активистами анархо-синдикалистского движения и пользовались их поддержкой. События мая 1937 г. в Барселоне и их последствия вызвали усиление оппозиционных течений внутри испанского либертарного движения. Возникли новые органы печати («Алерта», «Анаркиа» и др.), отказавшиеся подчиняться правительственной цензуре и выходившие нелегально. Они резко выступали против участия НКТ— ФАИ в правительстве. Так, газета «Анаркиа» писала в июле 1937 г.:

«Мы всегда критиковали... сотрудничество в правительстве, потому что всегда были единодушны в вере в наши принципы... Мы понимали, что революционные дела наших министров равны нулю, несмотря на их благие намерения. Шестимесячный опыт вновь доказал справедливость наших суждений. Наши представители в правительстве не смогли воспрепятствовать принятию законов, которые не пошли на пользу делу революции». Газета призывала:

«Мы должны признать нашу нынешнюю ошибку. Мы против правительства. Мы не можем и не должны входить в правительство... Вы, все, кто хочет снова войти в правительство, хорошо заметьте себе это. Правительство может принести нашей организации лишь отвращение и ослабление... Мы вернемся к нашим товарищам. Наше место, как и в прошлом, в синдикатах, на улице, в группах, вместе с народом, на фабриках и в производственных центрах. Именно там мы можем проводить реальную и эффективную революционную политику» [271].

Оппозиция критиковала политику республиканского правительства в сфере труда. Так, газета «Рута» с возмущением писала о том, что по всей Каталонии ведется кампания против «бездельников» и «пьяниц», расклеиваются плакаты с надписью: «Бездельник — это мятежник; пьяница — это паразит; уничтожим их!!»; полиция проводит облавы в барах,

кино и на пляжах, задерживая всех, кто не может предъявить «трудовую карточку», и отправляя их на фронт или на сооружение укреплений. При этом автор статьи Альфонсо Мартинес Рисо отмечал, что предприниматели избавлены от необходимости предъявлять такую карточку. Он утверждал, что сохранившаяся социальная несправедливость позволяет «буржуазии сохранять предреволюционное состояние под лозунгом, гласящим, что прежде всего необходимо выиграть войну!» [272].

Наконец, имелись и организованные оппозиционные группы. Решительно выступала против сотрудничества в правительстве, отхода от анархистских идей, уступок «обстоятельствам» и соглашательства «лидеров» крупнейшая из региональных федераций ФИХЛ — «Либертарная молодежь» Каталонии. В феврале 1937 г. каталонская организация объединяла более 34 тысяч человек при общем числе членов ФИХЛ более 82 тысяч [273]. Приняв активное участие в майских событиях 1937 г., она перешла затем в открытую оппозицию. На внеочередном региональном конгрессе организации в Барселоне 15 мая 1937 г. подавляющее большинство участников потребовало возвращения к классической анархистской линии и одержало победу при выборах регионального комитета. Принятая резолюция резко критиковала «отступничество со ссылкой на обстоятельства». Под влиянием каталонской «Либертарной молодежи» оппозиционные настроения перекинулись в начале июля 1937 г. на многие анархистские группы.

Каталонские молодые анархисты официально расторгли все пакты, заключенные с молодежными организациями другой ориентации. Они отказывались подчиняться решениям «руководства» ФИХЛ, НКТ и ФАИ и новым соглашениям с молодежными организациями антифашистских партий. В ответ лидеры анархо-синдикалистского движения угрожали санкциями против «недисциплинированного» органа «Либертарной молодежи» — газеты «Руга». Несмотря на все виды нажима, вплоть до попыток расколоть каталонскую федерацию, ее чрезвычайный конгресс в октябре 1937 г. одобрил действия регионального комитета. На 2-м конгрессе ФИХЛ в феврале 1938 г. каталонцы оказались в меньшинстве, но и впоследствии продолжали настаивать на своем [274].

В марте 1937 г. часть анархо-синдикалистов, недовольных политикой комитетов НКТ и ФАИ (Хайме Балиус, Минго и др.), а также бывших бойцов милиций (Пабло Руис) создали группу «Друзья Дуррути», которая выдала до 4—5 тыс. членских билетов. Она пользовалась значительным влиянием в синдикате работников пищевой отрасли, имевшем организации по всей Каталонии, а также в шахтерских районах Сальена, Сурии, Фигольса Кардоны и Верхнего Льобрегата — цитадели восстания 1932 г.

Определенный отклик встречала агитация «Друзей Дуррути» и в других синдикатах, и в контрольных патрулях. До мая 1937 г. группа занималась организацией массовых публичных митингов, на которых выступали такие видные активисты анархо-синдикалистского движения, как Пабло Руис (делегат фронтовиков участка Гельсы), Франсиско Пельисер (от «Железной колонны»), Франсиско Карреньо (член Военного комитета «Колонны Дурруги»), Либерто Кальехас и др. Участники осуждали уступки лидеров НКТ и ФАИ, милитаризацию ополчений. В мае 1937 г. члены группы приняли активное участие в боях в Барселоне, а ее активист Максимо Франко, делегат «Красно-черной дивизии», пытался двинуть ее на каталонскую столицу [275]. В ответ на адресованный рабочим призыв покинуть баррикады ее активисты распространили манифест, обвинивший лидеров в предательстве. После мая 1937 г. их газета «Эль Амиго дель пуэбло» издавалась нелегально.

«Друзья Дуррути» осуждали отказ от провозглашения либертарного коммунизма, участие в правительстве и сотрудничество с социалистами, коммунистами и буржуазными республиканцами. Члены группы подвергли критике как реформизм, так и «ортодоксальные» представления об анархизме, призывая к дальнейшей разработке анархистской теории и тактики, которая базировалась бы на следующих основных положениях: «свободная муниципия» (коммуна), управление экономикой синдикатами, создание революционного комитета для защиты революции и координации деятельности местных «комитетов обороны» [276]. Лидеры НКТ—ФАИ пытались добиться исключения членов группы из анархо-синдикалистских организаций, но потерпели унизительную неудачу как на ассамблеях отдельных синдикатов, так и на пленуме групп ФАИ.

«Друзья Дуррути» сохранили контакты в рабочих союзах и обращались ко всем синдикатам Каталонии с призывом выделить средства на издание газеты [277].

Но «Друзья Дуррути» не стали центром притяжения для других оппозиционных групп в анархистском движении, которые критиковали их за склонность к авторитарным методам [278]. Эти организации, действовавшие в ФАИ и НКТ («Идеас» и «Неисправимые» из Нижнего Льобрегата, «Дон Кихоты идеала» в Барселоне, «Акрасия» в Лериде и др.), выступали за возрождение традиционных принципов и идеалов анархо-синдикализма, сопротивлялись планам превращения в политическую партию и попыткам внутренней унификации и централизации либертарного движения. Так, в конце 1937 г. видные анархисты Сантана Калеро, Северино Кампос и Жозе Пейратс опубликовали брошюру от имени «преобладающей оппозиции сознательной части либертарного движения». Обвинив «вождей» в предательстве «идеологических принципов анархизма», попрании «сущности анархизма» во имя «требований обстоятельств» и «отравлении легких и ума гиганта НКТ и ФАИ вонючим выкидышем политики», они потребовали избавления от «государственной и централистской удавки» [279]. Как «Друзья Дуррути», так и сторонники возвращения к ортодоксальному анархо-синдикализму не видели для себя того поля деятельности, кроме массовых либертарных организаций — НКТ и ФАИ. Работая среди рядовых активистов, они стремились изменить официальную линию движения, выступали на пленумах и конференциях. На национальном пленуме региональных комитетов НКТ, ФАИ и ФИХЛ в октябре 1938 г. противники «соглашательства» попытались дать бой курсу на сотрудничество с властью. Делегат «Либертарной молодежи» Каталонии заявил:

«Пытаться внедриться в государство с тем, чтобы разрушить его, — все равно что отправить своих жен и сестер в бордели, чтобы ликвидировать проституцию», а представитель каталонской ФАИ Жозе Шена в знак протеста против заявления о возможности участия Федерации в политике покинул зал заседаний [280]. Однако добиться желаемых изменений оппозиции так и не удалось. Она осталась разрозненной и организационно не оформленной. Над активистами по-прежнему довлела верность «своей организации», любое обращение к

массам вне ее рамок казалось им невыносимым. К тому же в испанском анархо-синдикализме не существовало опыта систематически и скоординированно организованной фракционной борьбы, которая могла бы помочь оппозиционерам отстранить руководство от митингов НКТ и ФАИ.

Оказавшись в эмиграции, испанское анархо-синдикалистское движение нашло в себе силы дать самокритичную оценку опыта «участия в власти» в период гражданской войны и извлечь для себя соответствующие уроки. Межконтинентальная конференция «Испанского либертарного движения» (НКТ—ФАИ—ФИХЛ), состоявшаяся в апреле 1947 г. в Тулузе, сочла «последствия правительственного сотрудничества» «катастрофическими» и объявила о возвращении к традиционным анархистским представлениям о необходимости ликвидации государственной власти и замены ее всеобщим самоуправлением трудящихся [281].

Падение Республики

Крах Республики приближался с конца 1938 г. со стремительной быстротой. И причины его заключались не только в неблагоприятном соотношении военных и международных сил, в бездарности и нерешительности властей, не сумевших организовать оборону Каталонии и бежавших при первых признаках крушения фронта. Сбивались сделанные еще в конце 1936 — начале 1937 г. предостережения итальянского анархиста Камилло Бернери и других критиков политической линии руководства испанского либертарного движения: население, страдая от лишений и жертв, от нехватки продовольствия и от диктаторских мер, больше не отождествляло себя с Республикой. «Наша армия, еще не оправившись, с одной стороны, от операции на Эбро и испытывая нехватку оружия, находилась в весьма трагической ситуации отставания (от противника. — ВМ.). С другой стороны, население уже не испытывало энтузиазма первых дней...» — признавали члены Национального комитета НКТ после падения Каталонии [282].

В конце декабря 1938 г. войска франкистов перешли в решительное наступление и к началу февраля 1939 г. захватили всю Каталонию. Сотни тысяч сторонников республики бежали во Францию, где они были впоследствии интернированы. Военные части отступали в панике и беспорядке. Последними перешли границу бойцы бывшей «Колонны Дурруги» — в полном порядке и с оружием [283].

Во Франции оказалось и покинувшее Барселону правительство Негрина. От Испанской Республики осталась только небольшая территория между Мадридом и Валенсией. Республиканское правительство объявило всеобщую мобилизацию. Однако это решение

встретило серьезные возражения в либертарном движении. На пленуме ФАИ 19 января 1939 г. участники ссылались на то, что про мышленность и деятельность движения будут после этого парали зованы, а оружия на всех не хватит. Анархисты соглашались на мобилизацию 30—50% членов своих организаций, заявляя, что будут оказывать сопротивление попыткам призвать большее количество людей.

Однако другие организации, и прежде всего ВСТ, согласились с декретом о мобилизации. 20—23 января в Валенсии заседал национальный пленум региональных комитетов либертарного движения (в отсутствие делегатов от Каталонии). Представитель Центрального региона призвал отказаться от всеобщей мобилизации, делегат Леванта — к тому, чтобы возглавить ее и не допустить захвата командных постов коммунистами. В конечном счете Национальный комитет НКТ согласился с мобилизацией, а Полуостровной комитет ФАИ отверг ее. Комиссия либертариев встретилась с командующим группой армий Центрально-Южной зоны генералом Хосе Миахой, который выразил согласие с мобилизацией 50% трудящихся [284].

По оценке историка НКТ Пейратса, «расхождения между либертариями противопоставили, главным образом, подкомитеты НКТ и ФАИ», то есть временные комитеты, созданные после эвакуации Национального и Полуостровного комитетов во Францию [285]. В центре спора оказалась политика генерального секретаря НКТ М. Васкеса. Руководство НКТ сохраняло верность его заявлениям на национальном пленуме либертарного движения в октябре 1938 г. Оппоненты упрекали его в срыве решений пленума, прежде всего в том, что касалось созыва Комитета по связям Иберийского либертарного движения (ИЛД). По предложению ФАИ этот комитет, в конце концов, собрался 30 января 1939 г. Было выдвинуто также требование о перестановке в высшем командовании и о создании Высшего военного совета из представителей партий и организаций с контрольными функциями. В письме к Миахе 1 февраля секретари трех ветвей либертарного движения потребовали от него больше считаться с антифашистскими организациями, и 3 февраля тот пообещал создать национальный орган из представителей всех антифашистских сил. Либертарии в этот момент возлагали также наивные надежды на слухи о том, что США будто бы намерены отказаться от нейтралитета в испанском вопросе.

В ходе нового пленума региональных комитетов либертарного движения 10—11 февраля выяснилось, однако, что Миаха отказывается от какого-либо контроля за своими действиями как со стороны организаций и партий, так и со стороны правительства Негрина. Ходили слухи о том, что коммунисты готовят государственный переворот. Либертариям оставалось только рассыпать не внятные угрозы и постановить провести встречу с Негрином и «реалистически» объяснить ему положение дел [286].

Одновременно Национальный комитет НКТ принял 11 февраля обращение «К бойцам, к беженцам во Франции!», в котором признавал поражение: «Мы побеждены, но не унижены. Мы можем оставаться с высоко поднятой головой. Мы исполнили свой долг так, как никто не смог бы на нашем месте. Мужественный народ, мы в течение 30 месяцев сражались против мира». Воззвание взывало к «духу испанцев» и «свободных людей» и обещало, что организация не покинет на произвол судьбы своих беженцев и поможет им устроиться в «гуманитарных странах» [287].

Первоначально Негрин отказался от встречи, предложенной анархистами, затем — после нового письма Комитета по связям — дал согласие при условии, что ему будет направлено новое, «более корректное» послание. Однако, приняв делегатов анархистов, пре-мьер-министр не был настроен на диалог, и встреча закончилась безрезультатно.

15 февраля на заседании организации Центрального региона было сообщено, что вернувшийся в Испании министр — член НКТ Сегувдо Бланко привез инструкции от находившихся в Франции секретарей Национального комитета НКТ и Полуостровного комитета ФАИ. В них утверждалось, что президент Республики Асанья и премьер-министр Негрин договорились прекратить войну, правительство постарается направить иностранные суда для эвакуации активистов, а мексиканское правительство готово предоставить убежище части сторонников Республики.

Между анархистами и-республиканскими властями обострялся конфликт вокруг вопроса о контроле над армией. Либергарины опасались, что она полностью попадет в руки коммунистов. 16 февраля проблема обсуждалась на заседании Комитета связи либертарного движения в Мадриде. На нем произошло резкое столкновение между членами Комитета и анархистом-военачальником Сиприано Мера, подвергнутым критике за чрезмерную лояльность военному начальству. Мера, в свою очередь, атаковал деятельность руководящих комитетов движения, заявив, что они не оправдали доверия. Участники постановили сообщить Негрину и командующему армией Центра полковнику Сегизмундо Касадо, что движение не потерпит назначения на руководящие военные посты коммунистов, которые надеялись вернуться из Франции вместе с премьер-министром. Тем временем ФАИ все более резко выступала против правительства Негрина. Укрывшиеся в Франции члены Полуостровного Комитета передали свои функции товарищам в Испании, и те на заседании нового состава комитета 22 февраля обвинили секретаря подкомитета НКТ и его коллег в «негринистской позиции» и «комплексе превосходства». Заявив о недоверии министру от НКТ С. Бланко, они потребовали «окончательных решений» [288].

Анархистские активисты теперь также не сомневались в том, что поражение неизбежно. Впоследствии М. Васкес объяснял в письме в МАТ: «После падения Барселоны во всех партиях, организациях и слоях населения восторжествовал взгляд, что война проиграна и следует ориентироваться на политику, которая могла бы способствовать заключению мира. Оказывалось все более бесполезным продолжать приносить в жертву гражданское население и солдат. Имелись определенные планы в отношении тысяч людей, которые после заключения мира неминуемо подверглись бы мести Франко; в самой НКТ, которая всегда выступала за борьбу до конца, также начали присоединяться к этой точке зрения» [289].

В то же самое время анархисты все больше не доверяли Негрину и коммунистам, опасаясь, что те используют ситуацию в своих собственных интересах и бросят либертаринов на произвол судьбы. 25 февраля на заседании Комитета по связям представители ФАИ заявили: «С таким правительством невозможно заключить почетный мир. Нет другого средства, кроме создания другого правительства или Хунты обороны, которая предоставила бы гарантии». На следующем заседании 26 февраля делегаты ФАИ обвинили НКТ в сепаратных контактах с Негрином. Участники постановили предложить Народному фронту создание

Высшего военного совета и назначение полковника Касадо начальником Генерального штаба. Члены созданного в феврале либертариями Комитета обороны Центрального региона встретились с полковником и заявили ему о необходимости создания Национального комитета обороны в противовес правительству Негрина [290].

Оставшиеся в Испании органы НКТ и «Либертарной молодежи» также приняли свои функции от оказавшихся на французской территории национальных комитетов. В начале марта состоялось заседание новых национальных комитетов НКТ, ФАИ и «Либертарной молодежи». Руководители НКТ обвинили Комитет по связям ИЛД в затягивании работы и потребовали предоставить Национальному комитету Конфедерации исполнительные полномочия; «Либертарная молодежь» отвергла такую попытку «монополизировать» движение, а ФАИ подвергла НКТ критике за «бунт» против решений организаций. На новом заседании в присутствии С. Бланко 3 марта ФАИ предложила план обеспечения безопасности ИЛД, который включал замену военного командования, назначение главой генерального штаба С. Касадо и создание Высшего военного совета [291].

Между тем вернувшиеся из Франции Х. Негрин, коммунистические военные командиры Э. Листер, Модесто и лидеры компартии заявили о намерении бороться до конца. Но эти декларации вызвали недоверие анархистов, которые помнили, как правительство и коммунистическое руководство эвакуировались из Каталонии в январе. Анархисты подозревали, что коммунисты намерены навязать всем последний безнадежный бой, а в последнюю минуту спастись в одиночку. Негрин немедленно назначил на высшие военные посты людей, которые пользовались доверием его группы и компартии. Так, командующим армией Центра вместо полковника Касадо был назначен генерал Модесто, начальником Генерального штаба — генерал Матальяна. Опасавшийся ареста Касадо решил действовать. Договорившись с командующим 4-м корпусом, анархистом С. Мера, он объявил 4 марта о смещении правительства Негрина и создании Национального совета обороны. Национальным главой Совета был объявлен генерал Миаха, который в действительности узнал о событиях по радио. В его состав вошли, помимо председателя, 2 беспартийных (включая ответственного за оборону С. Касадо), 2 члена НКТ (по финансам и сельскому хозяйству — Гонсалес Марин, по связям и общественным работам — Эдуардо Валь), 2 республиканца, 1 социалист и 1 член ВСТ [292].

Декларация Национального совета обороны обвиняла режим Негрина в дезертирстве из Каталонии. В документе, в частности, говорилось: «Мы не можем согласиться с тем, что в то время пока народ готовится к сопротивлению насмерть, его руководители пытаются совершить комфортабельную кражу... Мы заявляем, что мы не дезертируем и не потерпим дезертирства... Мы обещаем, что никто не покинет Испанию, прежде чем смогут уехать все желающие... Доктор Негрин сказал: “Мы все спасемся или все погибнем”. Национальный совет обороны взял на себя задачу претворить эти слова в действительность...» [293].

Коммунистов также пригласили принять участие в Совете обороны. Но они отказались, сняли с мадридского фронта 40-ю, 41-ю и 42-ю бригады, часть 12-й бригады и бросили эти части прошв сил, поддержавших Совет обороны (в основном 4-го корпуса С. Мера). Коммунистов поддержал также 5-й корпус карабинеров. Чтобы подавить это выступление, НКТ вызвала из резерва 60-ю и 35-ю бригады и 1-й артиллерийский корпус. Бои на улицах

Мадрида продолжались до 12 марта; в ходе их погибло около 1 тысячи человек²⁹⁴. В то же время выступление коммунистов было подавлено, а члены правительства Негрина покинули Испанию. В последующие дни коммунисты обвиняли Совет обороны в репрессиях против ком партии, призывали к единству и «почетному миру, который гаран тировал бы независимость Испании» [295].

7 марта 1939 г. комитеты НКТ, ФАИ и «Либертарной молодежи» объединились в общий Национальный комитет либертарного движения (НКЛД) во главе с Хуаном Лопесом. «У нас были причины... для того, чтобы устранить коммунистов, а также республиканцев и социалистов, которые виновны в наших поражениях, — заявил Лопес. — Однако мы не хотим уничтожать никакую партию. Коммунистическая партия должна быть частью Народного фронта, сотрудничать в Совете, но не вмешиваться во власть» [296]. НКЛД обсудил возможности прекращения войны путем заключения почетного мира, а также отношения с Национальным советом обороны. На случай провала переговоров было решено эвакуировать активистов, спасти ценности организации и уйти в подполье.

Переговоры с франкистскими агентами начались 12 марта. Франко потребовал безоговорочной капитуляции Республики, обещая помиловать «обманутых» и «не совершивших преступления», а остальных — освободить после отбытия наказания. Он отказался давать какие-либо письменные гарантии. Республике оставалось тянуть время и готовиться к эвакуации, для чего Совет призвал обсудить меморандум Франко. Одновременно Совет обороны направила делегацию за границу, чтобы подготовить эвакуацию. Гонсалесу Марину было поручено послать комиссии в Париж, Лондон и Мехико. Эти комиссии были назначены либертарным движением.

16 марта НКЛД в присутствии двух членов Совета обороны от НКТ обсудил сложившуюся ситуацию. Было подтверждено, что в случае провала переговоров следует организовать отчаянное сопротивление и готовиться к эвакуации. Участники решили, что члены комитетов НКТ и ФАИ, находящиеся во Франции, не подходят для организации этого дела и должны скорее вернуться в Испанию.

19 марта Совет обороны получил от организаций согласие на переговоры с Франко о мире, и 23 марта два республиканских офицера отправились в штаб-квартиру Франко в Бургос. Франкисты не давали никаких гарантий, и переговоры не дали результата. Франко потребовал от республиканцев предварительно сдать свою авиацию в качестве знака готовности к капитуляции. Тем временем 22 марта НКЛД выпустил манифест к активистам и всему народу, в котором отверг обвинения коммунистов и возложил на них вину за подрыв и ослабление арьергарда. Либертарное движение, говорилось в манифесте, имеет смелость «публично заявить о необходимости мира, который предотвратит новую кровавую баню». Этот мир должен быть не просто криком «спасайся, кто может», а «почетной ситуацией, которая позволит всем желающим покинуть Испанию и защитит оставшихся от возможных репрессий» [297]. Но надежд на такое соглашение не оставалось. В тот же день, по согласованию с Советом обороны, НКЛД направил двух активистов в сопровождении полковника Ромеро во Францию, чтобы уладить вопрос со снабжением продовольствием. Посылка делегации в Америку была отменена. На новой встрече через два дня НКЛД обсудил выдвинутые Франко условия и поручил членам Совета обороны от НКТ выступить в

Совете за следующую позицию: «требовать от франкистских властей, чтобы они подписали документ, пакт или обязательство, оговаривающее условия заключения мира в соответствии с духом наших первоначальных предложений. При отсутствии такой гарантии следует прервать переговоры и готовиться к ожесточенной защите наших интересов, нашей жизни, нашей свободы»²⁹⁸. Республиканские представители были снова посланы в Бургос. 26 марта по настоянию членов Совета от НКТ собралось новое заседание НКЛД. Франко требовал по телефону немедленно сдать авиацию, угрожая в противном случае немедленно прервать переговоры. Вопреки оппозиции либертарных членов, Совет обороны принял решение сдать самолеты и сообщил об этом по радиотелеграфу в Бургос. Однако франкисты ответили, что генеральное наступление уже началось и остановить его невозможно. Фронт покатился; франкисты наступали, почти не встречая сопротивления. Солдаты в массовом порядке дезертировали и даже братались с противником.

НКЛД предложил поэтапное отступление к побережью. 27 марта на новом заседании члены НКЛД осудили издание Советом обороны публичного призыва к эвакуации, сочтя, что он неминуемо приведет к беспорядочному и паническому бегству. «Политика Совета пошла по плохому пути», — заявили участники заседания. К врагу больше нельзя обращаться с переговорами, разве что только после ожесточенного сопротивления. Гонсалес Марин предложил отвести силы в какой-нибудь порт и организовать оттуда сопротивление. Было решено создать «Хунту по эвакуации». В то же время Совет обороны создал такие же хунты в каждой армии. Число подлежащих эвакуации оценивалось в 40 тысяч человек [299].

28 марта 1939 г. началась эвакуация из Мадрида. Последними покинули Мадрид члены НКЛД. На следующий день армия Рес публики практически распалась. Хунта по эвакуации в Валенсии действовала скорее формально, представители западных держав предоставили визы лишь некоторым тщательно отобранным лицам. Большинство желающих эвакуироваться направились в отдаленный порт Аликанте. Там вдоль побережья курсировали военные корабли западных держав. В порту Гандиа они взяли на борт членов Совета обороны и группу беженцев [300]. Но большинство все еще оставалось на берегу. «4 апреля моторизованные итальянские части под командованием генерала Гамбары вошли в порт Аликанте... Более 4000... антифашистов оказались в плену в порту Аликанте. Для большинства из них правосудие генерала Франко означало смерть. Большая часть выбрала самоубийство... Те, кто покончил с собой, сделали это не из страха перед правосудием Франко, а чтобы выплюнуть позор в лицо так называемому цивилизованному и демократическому миру...» — с горечью писал истерик НКТ Пейратс [301].

Эмигранты и подпольщики

После падения Республики во Франции оказались до 500 тысяч испанских беженцев [302]. Значительную часть из них составляли анархисты и анархо-синдикалисты (по некоторым данным, до 65% [303]). В эмиграции они пытались сохранить свою организацию. Часть либертарииев поддерживала НКЛД, сформированный весной 1939 г. в Центральной Испании, другие, оказавшиеся в Париже, — Национальный комитет НКТ и Полуостровный комитет ФАИ. Секретариат МАТ призывал испанских товарищей уладить конфликт и создать единый орган [304].

В конечном счете был сформирован Генеральный совет Испанского либертарного движения, в который вошли, в частности, М. Васкес (секретарь; 18 июня 1939 г. погиб в результате несчастного случая), М.Ж. ди Соуза, Франсиско Исглеас, Херминаль Эсглеас, Педро Эррера, Хуан Гальего Креспо и др. Совет стремился поддерживать контакты с активистами, рассеянными по всей стране, с находившимися в лагерях для интернированных и с подпольем в самой Испании [305].

В 1940 г. некоторые активисты в эмиграции предприняли попытку создать «Синдикалистскую партию», однако большинство испанских анархо-синдикалистов отвергло эту идею. В манифесте, выпущенном Генеральным советом ИДЦ в эмиграции, подтверждалась верность либертарным идеям и отвергалось всякое искажение их, включая образование партии [306]. В документе заявлялось, что «перед лицом всеобщего хаоса, который царит в среде испанских политических партий, НКТ сохраняет свой собственный характер и свою независимость. Анархо-синдикалистские идеи не потеряли крах. Наши идеи и тактика были подтверждены опытом в Испании. Только те люди, которые не знают реальности и испанских проблем, могут иметь иное мнение на сей счет. Мы можем еще больше пожинать плоды испанского опыта». Генеральный совет Испанского либертарного движения в эмиграции работал над организацией солидарной помощи беженцам, разбросанным по разным странам (прежде всего, во Франции) [307]. Однако с началом Второй мировой войны и оккупацией значительной части Франции германскими войсками Генеральный совет распался: некоторые его члены были арестованы или скрылись, другие эмигрировали в Америку. Новые попытки реорганизации испанского анархо-синдикалистского движения в эмиграции предпринимались уже в годы мировой войны.

В самой Испании после победы Франко любое сопротивление на первый взгляд казалось невозможным. Власти установили крайне жестокий террористический режим. Только с февраля по август 1939 г. в стране было расстреляно около 100 тысяч человек [308]. Массовые расправы сопровождались климатом всеобщего страха. «Зловещий путь траурных кортежей убитых по деревням и городам, сопровождаемых фалангистами и духовенством, — по словам очевидцев, — под звон колоколов и при свете факелов, так действует на душу, что многие сходят с ума, а некоторые зрители кончают самоубийством». От 1,5 до 2 млн. человек были брошены в тюрьмы и концлагеря, где многие погибли [309]. Тем не менее вскоре после победы франкистов началось восстановление подпольного движения. Уже в начале 1940 г. удалось сформировать нелегальный Национальный комитет НКТ; параллельно образовались в подполье региональные комитеты в Андалусии, Леванте и Центральном регионе, позднее — в Галисии и Каталонии. Была достигнута договоренность о проведении национального пленума НКТ [310]. Первый состав подпольного Национального комитета был раскрыт, а его члены арестованы, что вызвало определенную дезориентацию в рядах движения [311]. Но уже вскоре оно вновь возобновилось и приступило к реорганизации сил и широкой нелегальной агитации [312]. Уже в 1943 г. НКТ восстановила связи в Испании и действовала по всей стране: ее сила была различной в разных регионах, но во многих местностях существовали активные группы НКТ. Во всех областях существовали группы, которые вели открытую вооруженную борьбу против франкистского режима. В сообщении, посланном испанскими анархо-синдикалистами в МАТ, говорилось, что они привыкли действовать в условиях подполья, и НКТ «не покидает своего места революционного авангарда в Испании» [313].

Версия #12

□□□□□□□□ □□□□□□□□ создал 30 октября 2025 12:15:22

□□□□□□□□ □□□□□□□□ обновил 10 ноября 2025 17:49:22